М. ТАБАКИН

100 ДНЕЙ

Михаил Мартынович ТАБАКИН родился в 1899 году на Гомельщине (Белорусская ССР), в семье служащего. После Великой Октябрьской социалистической революции добровольно вступил в Красную гвардию, где прошел путь от красногвардейца до командира бригады Красной Армии.

По окончании гражданской войны служил курсовым командиром в школе имени ВЦИК, а затем старшим инспектором Управления уголовного розыска НКВД РСФСР, с 1930 года — Народным комиссаром внутренних дел Казахской республики.

После службы в судебно-следственных органах, в том числе в качестве члена Верховного Суда РСФСР, тов. Табакин занимал ряд руководящих постов в народном хозяйстве.

Тов. Табакин М. М. — член КПСС с марта 1919 года; в настоящее время — персональный пенсионер союзного значения.

В первые годы Советской власти в среднеазиатских республиках он принимал активное участие в ликвидации там бандитизма. Книга тов. Табакина посвящена одному из эпизодов этой борьбы — ликвидации бандитской шайки Каневского, оперировавшей на протяжении ряда лет в Средней Азии. Все данные, приведенные в настоящей книге, имеют документальное подтверждение; изменены лишь некоторые фамилии.

Брошюра „100 дней“ рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей советских судебно-следственных органов, их борьбой за упрочение социалистической законности.

Книга написана в содружестве с журналистом Хапаевым А. В.

М. ТАБАКИН

100 ДНЕЙ

Из истории советской милиции

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
Москва — 1965

СОДЕРЖАНИЕ

Табакин Михаил Мартынович

„100 ДНЕЙ“

Из истории советской милиции

Редактор *Р. Г. Глебова*. Обложка художника *Н. В. Каталиной*.
Художественный редактор *А. Г. Леонов*. Технический редактор *Н. М. Тарасова*.
Корректор *Н. В. Губкина*

Сдано в набор 26/X 1964 г. Подписано в печать 18/XII 1964 г. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$. Объем: физ. печ. л. 2,13; усл. печ. л. 3,49; учет.-изд. л. 3,47.
Тираж 60 000 экз. А-05688. Цена 8 коп. Заказ № 797
Объявлено: св. тем. план 1965 г., № 2014

Издательство „Юридическая литература“
Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40

Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
СССР по печати. Измайловский проспект, 29

ОТ АВТОРА

В ЖИЗНИ каждого человека есть события, дни, которые запоминаются ему надолго, навсегда. Я хочу рассказать в этой книге не об одном, а о ста таких «незабываемых» днях, какие мне, молодому тогда следователю, пришлось пережить в связи с выполнением очень важного оперативного задания. Сто дней (прибавьте к ним столько же беспокойных, бессонных ночей) — не просто «круглая» цифра, а точный срок, какой был дан на командировку для завершения этого уголовного дела.

За период своей судебно-следовательской деятельности, охватывающей примерно два десятилетия, мне приходилось расследовать самые различные дела, много путешествовать по стране. И не преувеличивая скажу, что это дело по своей сложности и необычности, по характеру выполнения и по всем прочим условиям резко отличается от всех остальных. Мы, группа оперативников, постоянно, каждый час, должны были держаться настороже, быть бдительными и осмотрительными, готовыми к самым различным неожиданностям, подстерегавшим нас на каждом шагу. И так было на протяжении всех ста дней и ночей.

Нашу работу осложняло еще и то, что быстро меняющаяся оперативная обстановка заставляла принимать решения в предельно сжатые сроки, на ходу.

И, наконец, откровенно сознаюсь, что выполнение задания было связано с немалым риском. Но на это нам, оперативным работникам милиции, сетовать не приходится; риск, как говорится, постоянно сопутствует нам.

Хотя описываемые ниже события имеют большую давность, относятся к концу 20-х годов, они свежи в моей памяти. Однако, не полагаясь на собственную память, мне пришлось разыскать в архивах соответствующие документы, относящиеся к делу, просмотреть свои записи, обратиться к воспоминаниям товарищей по работе. Но прежде чем рассказать о стодневной служебной командировке, следует познакомить читателя с самим делом, ради которого была предпринята эта командировка.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

НАД СТОЛИЦЕЙ опустились ранние осенне-зимние сумерки. Был канун 11-й годовщины Октября. К празднично украшенному перрону Казанского вокзала подошел пассажирский поезд, на вагонах которого белели эмалированные таблички «Ташкент — Москва». Только на одном прицепленном прямо к паровозу вагоне такая табличка отсутствовала, хотя он и следовал в составе поезда со станции его отправления. О назначении и пассажирах этого вагона нетрудно было догадаться по решеткам на окнах: это был арестантский вагон.

Когда толпа пассажиров и встречающих схлынула с перрона, открылись двери вагона для арестованных. Последним его покинул невысокий, слегка прихрамывающий, среднего возраста человек. Вокруг него сразу же замкнулось плотное кольцо конвойных. «Вот он, мой подследственный», — подумал я (я специально приехал на вокзал, чтобы заранее, со стороны, посмотреть на этого человека).

Машина везла арестованного по нарядной по случаю праздника Мясницкой улице и, миновав забитую трамваями и извозчиками Лубянку, повернула вдоль Китай-городской стены налево. Освещенные окна учреждений и витрины магазинов были украшены портретами Владимира Ильича Ленина, лозунгами, посвященными годовщине Октябрьской революции и призывавшими трудящихся к ударному труду на новостройках страны.

Прохожие с любопытством оглядывались на часто сигналивший милицейский автомобиль. Они, очевидно, догадывались, что за зарешеченными окошками машины находились те, кто не только не разделял с народом радости вдохновенного, созидательного труда, а, наоборот, мешал строительству новой жизни. Милицейская

машина, пробиравшаяся по праздничной столице, была своеобразной тенью прошлого, неожиданно вторгшегося на улицы советской Москвы.

Внутри машины действительно сидели отъявленные уголовные преступники, среди которых наиболее опасным был, безусловно, мой новый подследственный.

Около здания Центророзыска (так называлось Управление уголовного розыска при НКВД РСФСР), находившегося у Ильинских ворот, автомобиль остановился. Здесь в отдельном помещении находились камеры для особо опасных преступников.

В те годы я работал в Центророзыске старшим инспектором и возглавлял группу по борьбе с бандитизмом.

Дел было у нас немало. Каждое утро я заставал на своем столе объемистую папку с письменными и телеграфными донесениями из самых различных уголков страны. Среди сообщений о мелких преступлениях встречались донесения очень серьезные: об ограблении банка, налете на почтовую контору, убийстве с целью грабежа...

Большинство преступлений совершалось в молодых среднеазиатских республиках. Удивляться этому не приходилось. Они позже, чем, например, РСФСР, встали на путь самостоятельного развития, и государственный аппарат находился там в стадии формирования.

Борьба молодых органов власти с преступностью на местах особо ощутимых результатов пока не давала, и им нередко приходилось обращаться за помощью в Москву. Так попало ко мне дело об одной крупной бандитской шайке, пересланное в Центророзыск из Узбекистана, точнее говоря, о главаре этой банды, доставленном в Москву. Эта банда действовала сначала в Нижнем Поволжье, затем перебралась в Среднюю Азию. На счету бандитов значилась не одна сотня тяжелых уголовных преступлений. Многие из них сопровождались убийствами.

Милиции не раз удавалось нападать на след отдельных бандитов, даже арестовывать их на месте преступления. Под тяжестью неопровержимых доказательств они сознавались в собственной вине, но скрывали имена и местонахождение своих главарей. Между тем для ликвидации шайки чрезвычайно важно было выявить и изолировать ее руководителей, а затем уже переловить и всех других ее участников.

Но вот, казалось бы, работников милиции Средней Азии можно поздравить с успехом. После долгих и упорных поисков им удалось захватить не кого-либо из второстепенных вожаков банды, а самого главаря ее. К сожалению, радость оперативных работников оказалась преждевременной. Главарю банды, приговоренному судом к расстрелу, удалось каким-то образом бежать из тюрьмы и снова вернуться к преступным делам. Наконец, спустя год он попался снова и под строгим конвоем доставлен в Москву.

Когда бандита ввели в мой кабинет, внешнее впечатление о нем осталось тем же, какое сложилось, когда я впервые увидел преступника на перроне вокзала. Совсем невысокого, пожалуй, даже низкого роста, аккуратно подстриженный под «польку», с худощавым лицом, немного прихрамывающий на левую ногу, он представлял собой заурядную, малопримечательную фигуру. Одет он был в дешевый грубошерстный костюм, брюки заправлены в яловые сапоги. На вид преступнику можно было дать 35—40 лет.

Что выделялось на его в целом бесцветном лице, так это глаза — иссиня-черные, подвижные, проницательные.

Начался первый, ознакомительный допрос.

— Фамилия, имя, отчество?

— Каневский Михаил Борисович, а проще Мишка, — ответил атаман банды и тут же добавил: — Прошу записать далее: я же Шефир, Малиновский, Татарин, Брадобрей, Мишка Замок, Клюев и прочая, и прочая. В общем, всего 19 кличек. На некоторые уже не откликаюсь — забыл. Если нужно, постараюсь вспомнить, но за точность не ручаюсь, — развязным тоном продолжал он.

Биография Каневского не отличалась оригинальностью.

Родился в Бориспольском уезде под Киевом, в семье землемера. До войны вначале жили хорошо, потом умерла мать, и отец женился на другой женщине. Молодая мачеха сразу же невзлюбила пасынка и после смерти отца попросту выгнала его из дома. Его приютили ... киевские базары. Первое знакомство с воровским миром, первые легкие деньги... Какой-то дальний родственник устроил парня учеником в парикмахерскую. Оттуда Мишку взяли на военную службу и зачислили в запас-

ной кавалерийский полк, стоявший в Средней Азии, и куда — в музыкантскую команду! Было это еще в царское время. Служба оказалась нетяжелой, харчи сносные. Но денег, к которым Мишка уже успел привыкнуть, вот денег-то у него и не было. Столковавшись с вахмистром, Мишка начал сбывать в воровских притонах похищаемые в полку отрезы шинельного сукна и прочее казенное имущество. Появились «дружки», воровские связи, и когда Каневский демобилизовался (что произошло уже после революции), уголовники охотно приняли его в свою среду. Он хотя и был молод, но слыл посвоему смелым, дерзким и, главное, волевым человеком, какие в воровской среде встречаются не так уж часто. И когда прежнего руководителя их шайки, провалившегося на одном «деле», надолго водворили в тюрьму, его место с согласия всех участников занял Каневский. Надо сказать, что бандиты не ошиблись в своем выборе. Он «стартовал» бурно. Под его началом бандиты совершают ограбление магазина Туркменторга в Ашхабаде, нападают с целью добычи оружия на военнослужащих, убивают, предварительно ограбив кассу, начальника железнодорожной станции Мерв и т. п. Банда разрослась до нескольких десятков человек и продолжала грабить и убивать.

Но меня, как следователя, не особенно интересовала биография преступника. Прошлые его уголовные похождения также не представляли особого интереса — они были известны из материалов дела. Самое главное, что требовалось узнать от Каневского, — это поименный состав всех его соучастников.

АТАМАН — АРЕСТОВАН, БАНДА—ДЕЙСТВУЕТ

ДОПРОС главаря банды продолжался. Каневский провел в кабинете следователя немало времени и выработал свою тактику: любыми способами завоевать дове-

рие следователя, заставить поверить, что он, Каневский, во всем раскаялся, говорит только чистую правду. Бандит превосходно знал, что советское правосудие при вынесении любого приговора всегда учитывает искренность подсудимого. Поэтому он держал себя на допросах весьма предупредительно, всячески подчеркивал свою готовность ответить на любой вопрос, признать любое обвинение.

Но какие еще новые обвинения мы могли ему предъявить, кроме тех, которые были уже получены непосредственно на месте и содержались в его объемистом деле? Мы требовали от него назвать фамилии его сообщников — Каневский называл их. Но эти имена уже были известны по материалам предварительного следствия, проведенного на месте задержания преступника. Никаких новых фактов, новых фамилий бандит не сообщал. И все же мы были уверены, что ни там на месте, ни тем более здесь, в Москве, он не рассказал нам и о десятой доле своих преступных дел и дел своих сообщников.

Передо мною был хитрый и опытный уголовник, решивший во что бы то ни стало выиграть поединок со следователем.

Но преступник не учитывал, что наши судебно-следственные работники достаточно опытны, чтобы уловить, где кончается правда и начинается ложь, и что они хорошо разбираются в психологии людей преступного мира.

Конечно, имевшихся материалов было вполне достаточно для того, чтобы сурово покарать Каневского за совершенные им злодеяния. Но не только это было важно. Нас весьма беспокоили донесения из Средней Азии о том, что и после ареста Каневского волна преступлений продолжала держаться там на довольно высоком, почти «штормовом» уровне.

Кроме того, ряд материалов подтверждал, что уголовные бандиты в Средней Азии пошли на сговор со злейшими врагами Советской власти — с баями, басмачами, контрреволюционно настроенным духовенством.

Как-то во время очередного допроса мне вручили сообщение из Самарканда, в котором говорилось:

«Шайка бандитов совершила вместе с баями вооруженный налет на кибитку ответственного секретаря партячейки Тагаева в кишлаке Арт-Хапа Нерпайского

района. Бандиты расстреляли отца Тагаева и тяжело ранили его мать. В эту же ночь злоумышленники убили председателя местного сельсовета, женщину-активистку Ходжаеву. Убийства сопровождались грабежами».

Я спросил Каневского:

— В Нерпайском районе ваши люди «работали»?

— Возможно, — неопределенно ответил он.

— Кто именно?

— Все, что знаю, я уже сказал. Больше ничего прибавить не могу, — излюбленным приемом бандит уходил от ответа.

Были основания предполагать, что Каневский знал о связях его банды с нерпайскими муллами и баями, но заставить его рассказать об этом пока было невозможно.

Сколько терпения требовалось от следователя! Вот он сидит передо мной, атаман бандитской шайки, отлично знающий уголовное подполье многих среднеазиатских городов, а как заставить его назвать хотя бы нескольких из его людей, совершающих преступления?! Он всеми способами старался завести следствие в тупик.

Между тем некоторые из задержанных бандитов, как сообщали нам из Средней Азии, сознавались на допросах, что они «каневцы», т. е. принадлежат к мишкиной банде. Как-то из Самарканда прислали фотографии преступников-рецидивистов. Каневский долго вертел их в руках, но опознать в них своих соучастников не «смог». «Впервые вижу», — упрямо твердил он.

Не оставалось сомнений, что во всех «делах» активную роль продолжает играть банда Мишки Каневского, и хотя он уже больше месяца находился в заключении, бандиты, вероятно, даже еще и не знали о судьбе своего атамана.

Как можно быстрее разгромить эту банду, переловить и изолировать всех ее участников — вот что сейчас являлось для нас главным.

Но как это сделать? Каким путем выявить и разгромить банду, действующую на территории Средней Азии уже без малого почти девять лет?

Помню, этому вопросу было посвящено даже специальное совещание в Центророзыске. Кажется, ни на одном из служебных совещаний так жарко не разгорались споры, как на этом. Высказывались самые различные мнения, вносились разнообразные предложения. Кто-то

даже предложил, что если преступники явятся с повинной и раскаются в своих преступлениях, объявить им амнистию. Другие, возражая против совершенно неоправданного и вредного либерализма, рекомендовали строго карать на месте всех преступников без разбора. Но все это было, конечно, не то. Требовались какие-то более эффективные меры, чтобы покончить раз и навсегда с бандитизмом в Средней Азии. Поступило и такое предложение: направить в города Средней Азии... самого Каневского. Пусть он пройдет по следам своих преступлений, восстановит старые «явки», посетит тюрьмы и выдаст своих соучастников. При этом, конечно, его будут сопровождать наши оперативные сотрудники.

Телефонный звонок прервал наше совещание. Наркома Владимира Николаевича Толмачева приглашал к себе председатель ОГПУ тов. В. Р. Менжинский.

Как только нарком вернулся, он снова собрал руководящих работников Центророзыска. Он рассказал, что тов. Менжинский наряду с другими вопросами поинтересовался и тем, как идет ликвидация банды Каневского. Руководитель советских чекистов был хорошо осведомлен об активизации бандитских групп в Средней Азии и считал быстрейшую ликвидацию их одной из важных задач центрального и местных органов уголовного розыска.

Наш нарком подробно рассказал тов. Менжинскому о том, что делается в этом отношении Центророзыском, и между прочим рассказал и о совещании. «А почему бы и в самом деле не отправить в Среднюю Азию самого Каневского? — спросил тов. Менжинский. — Ведь он единственный человек, знающий в лицо основных преступников. Ну, а что касается того, что он может сбежать, так это зависит уж не от него, а от нас, от нашей бдительности».

Отпустив из кабинета присутствующих, нарком предложил мне остаться.

— С Каневским поедете вы. Подберите себе двух помощников, — сказал он. — Не скрою, задание трудное и ответственное. Выезжайте как можно быстрее, дело не терпит.

Вернувшись к себе, я вызвал Каневского и объявил ему о предстоящей поездке. Он озадаченно посмотрел на меня: ожидал чего угодно, но только не своего лич-

ного участия в разоблачении своих же бывших соучастников непосредственно на месте.

— Учтите, Каневский, — сказал я ему, — что от этой поездки во многом зависит ваша дальнейшая судьба и, если хотите, сама жизнь. Если не оправдаете оказанного доверия, то уже пеняйте на себя.

Сборы в дорогу были недолги. Обстановка на месте требовала нашего немедленного отъезда. Работая с утра до позднего вечера, я в короткий срок закончил очень трудоемкое дело — обработал материалы предварительного следствия. Сюда входила классификация совершенных преступлений, распределение их по отдельным городам Средней Азии, составление списков конкретных участников бандитских актов по отдельным видам преступлений и т. д. Этот материал должен был лечь в основу всей оперативной и следственной работы нашей группы.

„ЗА" И „ПРОТИВ"

И ВОТ мы в поезде. Никогда мне еще не приходилось путешествовать в обществе... главаря уголовной банды. Правда, формально дело обстояло не совсем так. Должным образом оформленные, необходимыми подписями и печатями скрепленные документы свидетельствовали о том, что Каневский Михаил Борисович, сотрудник Центророзыска, следует по делам службы в такие-то города Средней Азии.

Соседнее купе международного вагона занимали Сергей Михайлович Григоров и Николай Петрович Бакулин, сотрудники Центророзыска, сопровождавшие меня на правах оперативных помощников.

Грохоча на стыках рельсов, не останавливаясь на полустанках и разъездах, поезд мчался все дальше и дальше на юго-восток. Мучительно хотелось спать, но спать нельзя — нужно все время бодрствовать. Несмотря на то, что мои помощники подменяли меня, давая мне возможность передохнуть, я засыпал лишь на несколько минут и вновь беспокойно вскакивал.

Более или менее разговорчивый на допросах, Каневский сейчас в вагоне как-то весь ушел в себя, держался

замкнуто и отчужденно. Преступник о чем-то все время думал, думал напряженно, мучительно. О чем? Вероятно, об одном: «сбежать или нет?» Мог ли Каневский сбежать? Да, мог. Хотя он знал и видел, что за каждым его шагом, за каждым движением зорко следят, тем не менее возможности к побегу у него имелись. Он мог, например, выбив стекло в уборной, выброситься на малом ходу из вагона, мог попытаться сбежать по пути к вагону-ресторану, где мы питались.

Но Каневский не использовал ни одной из этих возможностей. Почему? Ведь в общем у него было много «за», чтобы скрыться от нас. Но дело в том, что у него имелось также и много «против» побега (гораздо больше, чем «за»). Простая логика не могла не подсказать Каневскому, что в случае поимки всякие надежды на снисхождение, на смягчение наказания рушатся.

Но, предположим, побег удался. Куда он мог податься, не имея ни родных, ни близких? К своим «блатным»? Но те рано или поздно, узнав или уже зная о том, что он назвал кое-какие фамилии, не выпустили бы его живым из своих рук. Прийти в органы милиции с повинной? Тогда зачем бежать? Вот о чем мог думать Каневский, часами уставившись в одну точку.

Забегая вперед, надо сказать, что, когда операция закончилась, при разборе ее в Центророзыске один молодой следователь высказал свое мнение: Каневский не бежал потому, что он дал честное слово в точности выполнять во время поездки все данные ему указания и не хотел его нарушить. Это, конечно, не более чем наивное предположение. Наверное, за время своей преступной деятельности Мишка надавал столько «честных слов», что и сам даже о них не помнил. Да и в каком положении очутился бы тот следователь, который хоть раз поверил бы на слово этому отъявленному бандиту, лишенному всяких моральных устоев и понятий о честности?!

— С чего же вы думаете начинать новую жизнь, когда отбудете срок? — спросил я Каневского. Спросил просто так, без какой-либо цели, если не считать желания нарушить томительное молчание в купе.

— Начну с того, чем кончил старую жизнь, — вызывающе ответил он.

Потом, немного помолчав, продолжал:

— Вы меня извините, гражданин начальник, я заранее уже знаю, к чему вы задали вопрос. Вот сейчас вы станете мне доказывать, что пора, мол, Каневский, кончать со своим позорным прошлым, начинать честную трудовую жизнь, стать полноценным членом общества и так далее.

— И не подумаю, вы человек взрослый и не настолько глупый, чтобы самому не понять этого, — перебил я Каневского.

Как бы не слыша моей реплики, Каневский продолжал:

— Если б вы только знали, сколько разных душеспасительных речей и увещеваний пришлось мне выслушать за свою жизнь, сколько начальников, больших и малых, со мной беседовали, уговаривали, агитировали. Послушаешь их и кажется, что нет на свете большего счастья, чем труд. А что я умею делать? Ничего. Знал немного парикмахерское дело, да и то забыл. Пробовал изучить профессию переплетчика в мастерских при тюрьме, ничего не вышло: инструмент из рук валится, голова другим забита, к делу никакого интереса нет.

— Так чем все-таки думаете заняться?

Каневский, почувствовав, что разоткровенничался сверх меры, сказал:

— Вы, гражданин начальник, не обращайте внимания на то, что я тут наболтал. Это от нервов. Конечно, к прошлому теперь возврата, как говорится, нет. Попробую жить честно, трудиться.

Мне было известно много случаев, когда люди окончательно порывали со своим преступным прошлым. Сам же Каневский рассказывал мне об одном беспризорном, которому дали кличку Ванька Давай-беги. Сначала он находился в роли «адъютанта» при атамане банды, выполнял различные мелкие поручения, а потом Ваньку стали приучать стоять «на стреме».

Однажды во время такого своего «дежурства» он попался. В милиции к молодому преступнику отнеслись тепло, внимательно, человечно. И вот Ванька, верный кандидат в профессиональные воры, почувствовав на себе отеческую заботу, а затем поступив на работу, навсегда покончил со своим прошлым.

Причислить самого Мишку Каневского к таким людям было, конечно, нельзя. Сам растленный до предела,

он растлевал души и своих молодых сообщников, и поэтому я мало верил в его желание вернуться к честной, трудовой жизни.

На четвертые сутки пути в середине дня проводник предупредил пассажиров:

— Подъезжаем к станции Ташкент.

— Может быть выйдем, подышим воздухом, — предложил я Каневскому.

— Нет, что-то не хочется, я лучше побуду в вагоне, — отказался он и при этом странно, как бы пытаясь освободиться от какой-то неудобной ноши, передернул плечами.

«Что же заставило Мишку отказаться от небольшой, освежающей прогулки по перрону ташкентского вокзала? — раздумывал я. — Лень? Нет, даже самый ленивый человек после пребывания в течение трех суток в душном купе не упустил бы возможности побыть несколько минут на свежем воздухе. Боязнь с кем-либо встретиться? Такая случайность казалась маловероятной. Оставалось еще одно предположение — ему было неприятно даже кратковременное пребывание в Ташкенте».

Пожалуй, это было именно так. Около двух месяцев назад, именно здесь, в Ташкенте, Каневского арестовали в одном из воровских притонов, арестовали, как ему казалось, глупо, случайно, и ему, естественно, не хотелось об этом лишний раз вспоминать.

Наше путешествие подходило к концу. Рано утром поезд прибыл в Самарканд, который в те годы был столицей Узбекской ССР. Этот город банда Каневского избрала центром своей преступной деятельности.

НАС ЗНАКОМЯТ С ОБСТАНОВКОЙ

По прибытии в Самарканд в тот же день я был принят представителем Средазбюро ЦК ВКП(б). Он меня внимательно выслушал, одобрил план работы, дал свои советы. Помимо привлечения к оперативно-следственной работе сотрудников республиканских органов

нам рекомендовали как можно шире привлекать к выявлению преступных элементов партийных и беспартийных активистов на местах.

Тут же был решен вопрос о создании трех оперативных подгрупп и определены районы их действия. Секретарь Средазбюро пожелал всяческих успехов в нашей работе и сказал, что в случае необходимости мы всегда можем обращаться за помощью непосредственно к нему. В дальнейшем мы систематически информировали партийное руководство о ходе своей работы, сообщали о встречающихся трудностях и всегда получали необходимую помощь и поддержку.

Для согласования работы нашей оперативной группы с местными органами был назначен Александр Васильевич Локтев, заместитель наркома внутренних дел Узбекистана.

Встречаются люди, которые после первой же встречи кажутся старыми, хорошими знакомыми, располагают к дружбе, откровенности, взаимности. Такое впечатление оставил у нас Александр Васильевич Локтев, с которым мы встретились на второй день прибытия в Самарканд. Он принял нас исключительно дружелюбно, как давних товарищей. Хотя мы до этого и не были лично с ним знакомы, но нас роднило одно общее дело — служба в органах ЧК. Александр Васильевич начал ее с первых дней революции.

— Хочу вас, товарищи, предупредить об одной крайности, — сказал он. — Не верьте распространяемой некими здешними «теоретиками» версии о том, что высокая преступность — это своего рода «неизбежное зло» в Средней Азии, порожденное отсталостью населения. Как раз местное население — я имею в виду, разумеется, трудовой люд — менее всего повинно в тех нарушениях законности, какие выражаются пока в довольно внушительных цифрах. Этими цифрами мы обязаны агентуре местных баев и реакционного духовенства, а также уголовным элементам, которые, опасаясь возмездия, перекочевали из центральных районов страны в Среднюю Азию. Но вообще-то говоря, не так уж все страшно, как кажется вначале. Например, по приезде в Самарканд мне сообщили, что в городе взято на учет 250 воров-рецидивистов, 183 «рядовых» вора, 150 проституток и т. д. Я тщательно проверил эти данные, и оказалось,

что подавляющее большинство «преступников» имели правонарушения в прошлом, а ныне добросовестно трудятся на государственных предприятиях и в учреждениях. Повторяю, преступность у нас все же еще очень высока, но полная ликвидация ее предрешена, это лишь вопрос времени.

Далее Александр Васильевич коротко рассказал о первых достижениях узбеков в строительстве новой жизни. Республика стояла на пороге своей первой пятилетки. Начинала осуществляться грандиозная программа строительных работ. Сотни тысяч дехкан трудились на хлопковых полях. Готовились к выходу в необжитые районы республики новые геологические экспедиции. Каждый день из всех районов республики поступали в Самарканд добрые вести о трудовых успехах. И вот в это славное боевое время, когда узбекский народ, отдавая все силы преобразованию своей республики, закладывал первые камни в фундамент социализма, из всех нор и щелей выползли за легкой наживой грабители и мародеры, воры и спекулянты. Рядом с новым народившимся миром существовал еще и другой, отмирающий мир — мир уголовный, паразитический, враждебный. Этот скрывающийся в подполье мирок жил своей черной жизнью.

Александр Васильевич протянул нам сводку о преступности в городе только за одни сутки. Сводка лаконично перечисляла:

«Изнасилование. Проходящую по Ивановскому парку гр-ку Гуфарову внезапно напавшие четверо неизвестных пытались изнасиловать. Двое задержаны постовым милиционером.

Ножевая рана. На Зеленом базаре найден в бессознательном состоянии гр-н Выговский с ножевой раной в области живота.

Убийство. Гр-ну Сорокину, проходившему по Ленинской улице, неизвестными злоумышленниками нанесены ножевые раны. Сорокин скончался.

Кража со взломом. Из квартиры гр-на Варваева похищены домашние вещи на общую сумму 3 тыс. руб.» и т. д.

Преступность в городе не уменьшалась, и, к сожалению, большинство преступлений оставалось нераскрытыми.

Так знакомил нас Александр Васильевич Локтев с оперативной обстановкой на предстоящем театре «боевых действий». Мы еще не раз встречались с Локтевым; он участвовал в подготовке отдельных операций, и мы всегда видели в нем своего самого деятельного помощника, боевого чекиста.

На следующий день по совету Локтева мы отправились с группой работников республиканской милиции на ликвидацию бандитской шайки в Мирзачульский район и лишний раз — уже не по сводкам, а на фактах — убедились, какие глубокие корни пустила кое-где преступность.

Поездка эта была непосредственно связана с деятельностью Мишки Каневского. Имя его было хорошо известно не только в бандитском подполье, оно становилось «популярным» и среди басмачей. На счету банды Каневского числилось уже несколько операций, проведенных уголовниками совместно с басмачами.

Что же там произошло?

...Однажды в отдаленном Янги-Юле, Мирзачульского района, находящемся на стыке песков Голодной степи с отрогами Курминского хребта, появились шесть всадников. Среди них был один русский, по фамилии Ковылов, по кличке Кучерявый, как выяснилось потом на суде — соучастник Мишки Каневского.

Неизвестные с видом хозяев проследовали по селению, осмотрели окрестные места и отбыли из кишлака. Через несколько дней они появились снова, но на этот раз в сопровождении целого обоза с женщинами, детьми.

— Будем жить здесь, — заявил старший, — наш кишлак затопило.

С этого дня исконное население Янги-Юля потеряло всякий покой. Непрошенные «гости» отобрали себе лучшие участки земли, начали нанимать батраков, занялись грабежами.

Короче говоря, селение захватила банда, которая, пользуясь слабостью молодых местных органов власти, начала здесь бесчинствовать.

Возглавлял банду некий Маметкул Сарымов, бывший сподвижник курбаши Али Мамеда, одного из главарей басмаческого движения в Средней Азии. Сарымов долгое время скрывался, затем снова появился в

Мирзачульском районе. Родственники, также бывшие басмачи, взяли Маметкула Сарымова на поруки. Опытный бандит быстро навербовал уголовную банду из числа воров-рецидивистов, конокрадов, бывших басмачей и обосновался в Янги-Юле.

Первым открыто выступившим против него был Тангрид Берты, работавший у него батраком.

— Что же мы смотрим на этого разбойника, который занимается грабежами и убийствами?! — обратился он к односельчанам. — Выгоним его вон из Янги-Юля, нет у нас места бандитам! И этот русский тоже пусть уходит с ними.

В это время к Тангриду подошел Маметкул Сарымов.

— Вот тебе за разбойника, вот тебе за бандита, красная собака! — и двумя выстрелами на глазах у всех убил Тангрида Берты.

Но ошибся Маметкул Сарымов, подумав, что убийство честного дехканина запугает остальных крестьян. Нехожеными глухими тропами пробрались двое молодых дехкан в Самарканд и там рассказали обо всем.

Когда мы прибыли в Янги-Юль, главари банды, кем-то предупрежденные, скрылись. Но дехкане выследили, где они спрятались — в пещерах на берегу Сыр-Дарьи. Там они и были нами схвачены. Вскоре состоялся суд. Маметкул Сарымов был приговорен к расстрелу. Сурово наказали и «личного представителя» Каневского Ковылова.

В то же время деятельность уголовно-преступных элементов активизировалась и в некоторых других районах Средней Азии, и почти всюду обнаруживались следы банды Каневского.

Ко многим трудностям в нашей работе прибавилась еще одна — забота о нашем главном подследственном, о Каневском. Он находился все время вместе с нами, главным образом со мной, и это создавало для нас большие неудобства. За ним нужно было постоянно следить, в его присутствии нельзя было вести никаких служебных разговоров, невозможно было нормально отдохнуть. Один из моих помощников предложил содержать преступника в тюрьме, а когда потребуется, брать его на время оттуда. «Как чемодан в камере хранения на вокзале», — пояснил он свою мысль. Нет, нас это не

устраивало. Каневский мог потребоваться каждую минуту, днем и ночью, и поэтому всегда должен быть с нами. К тому же даже кратковременное пребывание в тюрьме не гарантировало от того, что Мишка там не возобновит связи с прежними дружками или не натворит еще чего-либо. Нет уж, пусть он будет с нами; так хоть и беспокойнее, но зато надежнее.

В „ШТАБ-КВАРТИРЕ" ПРЕСТУПНИКОВ

НАША задача № 1 в самом Самарканде состояла в том, чтобы раскрыть и ликвидировать штаб-квартиру банды Каневского, о существовании которой он проговорился перед самым отъездом из Москвы. В этой квартире встречались вожаки шайки, съезжавшиеся из различных концов Средней Азии; здесь разрабатывались планы предстоящих операций; здесь же происходил дележ награбленного. Кроме того, в штаб-квартире находили себе временный приют преступники, вынужденные скрываться от судебно-следственных органов, правда, в связи с конспирацией это допускалось только в особых, исключительных случаях.

Постоянно в этом доме проживали военнослужащий Дорожкин с семьей и некая Полина Петровна Гусева, выдававшая себя за вдову красного командира, погибшего в схватке с басмачами.

Сам дом находился сравнительно далеко от центра, на одной из окраин Самарканда, около военного городка. О лучшем месте для своего «штаба», чем территория военного городка, бандиты не могли и мечтать. И не случайно Полина Петровна Гусева так охотно, несмотря на явную невыгоду для себя, переехала в порядке обмена из центра на окраину.

Квартира Гусевой, в которой вскоре нам довелось побывать, состояла из небольшой кухни и просторной, скромно обставленной комнаты. Все говорило о том, что в этой квартире обитает человек среднего достатка. (Но не раз Полина Петровна ловила себя на честолюбивой

мысли: подними она половицу в кухне, переведи в деньги хотя бы какую-то часть того, что там спрятано, и у нее будет свой собственный дом, не уступающий по убранству дому любого бая.)

Но пока требовалось жить скромно, держать себя тихо, в тени.

Так вести себя наставлял ее и Каневский, давнишней соучастницей которого она являлась. Полина Петровна познакомилась с ним в Самарканде. Сама матерая преступница, хорошо знавшая уголовный мир, Гусева быстро поняла Каневского и без особого труда нашла с ним общий язык.

Но все это мы узнали потом, а пока нам был известен лишь адрес Гусевой. Мы стояли, что называется, почти на самом пороге мишкиной штаб-квартиры, однако переступить его пока не решались. Может быть, Гусева, узнав о таинственном исчезновении «хозяина», уже переменила местожительство? Возможно, оставаясь на старой квартире, она успела уничтожить все улики пребывания в ней преступников? Словом, сначала следовало произвести разведку, а потом только действовать.

Самым заманчивым представлялось использовать для этой цели самого Каневского, но преждевременное появление его там могло спугнуть хозяйку притона. Наше недоверие к Каневскому еще более усилилось, когда главарь шайки стал настойчиво предлагать нам дать ему возможность первому посетить его прежнюю квартиру.

И тут нас выручил некто Пажитнов, обходчик пути на линии Самарканд — Карши. Не знаю, какими уж путями, но год или два назад он стал доверенным связным лицом между воровской шайкой, орудовавшей на ст. Самарканд-Товарный, и мишкиной штаб-квартирой. Впрочем, это доверие ограничилось тем лишь, что он доставлял за небольшую мзду Гусевой какие-то записки, о содержании которых Пажитнов знать не мог — он был неграмотен. Но судя по той таинственности, с какой каждый раз вручались ему письма, железнодорожник догадывался, что дело тут обстоит не чисто. И когда однажды переписка прекратилась, железнодорожник особо не тужил об этом.

Переписка же прервалась потому, что транспортная милиция разоблачила шайку. В связи с этим дорожный

следователь допросил Пажитнова, которого несколько раз видели в обществе преступников. Лично зная старого железнодорожника, следователь беседовал с ним наспех и с миром отпустил, отнеся переписку с Гусевой к «амурной» связи одного из участников шайки с этой соблазнительной, хотя и немолодой женщиной. Поэтому и сама Гусева была оставлена в покое, несмотря на то, что имела, как это выяснилось позднее, прямое отношение к хищениям на станции.

Мы без труда разыскали Пажитнова и, не скрывая, изложили ему суть дела. Он не особенно удивился, когда узнал, что являлся «почтальоном» у преступников, и дал согласие навестить в ближайшее время Гусеву и выяснить, что творится в штаб-квартире.

Полина Петровна, рассказывал железнодорожник после посещения ее, приняла его радушно, угостила пловом и посочувствовала, узнав, что Пажитнов серьезно болел и потому долго не показывался. Однако никаких поручений она ему не дала, попросив зайти к ней как-нибудь в следующий раз.

Через несколько дней он снова навестил Гусеву. Видимо, в это время у нее кто-то был или она кого-то ждала, так как постаралась поскорее выпроводить Пажитнова.

Ввиду того что Гусева, возможно уже заподозрившая, что ею интересуются, могла с часу на час скрыться, мы решили больше не откладывать посещения ее квартиры. И в ту же ночь наша группа вместе с местными оперативными работниками оцепила дом, где она проживала, а я с тремя помощниками вошел внутрь. Наше появление оказалось более чем своевременным. Все вещи хозяйки квартиры были уже сложены и упакованы. Самый беглый осмотр показал, что Гусева собралась в путь не с пустыми руками: в тюках были ковры, свертки шелка и другие ценные вещи.

В момент нашего появления Полина Петровна была не одна. Мы застали еще одну средних лет женщину, одетую по-домашнему.

— Моя соседка, Нина Ивановна Дорожкина, жена командира из местной воинской части, — представила ее Гусева.

Присутствие в квартире Гусевой в столь поздний час Нины Ивановны, видимо, помогавшей ей в сборах

в дорогу, не могло не возбудить подозрения. Очевидно, между обеими женщинами существуют не просто обычные соседские отношения. Иначе не стала бы Гусева показывать соседке свои богатства, невольно вызывающие вопрос об их происхождении! Нина Ивановна, если и не была прямо связана с Гусевой, то, видно, все же знала многое.

В город срочно был направлен мой помощник Николай Петрович Бакулин, чтобы оформить там ордер на обыск квартиры военнослужащего Дорожкина.

А пока, выключив свет, мы предались томительному ожиданию. Наружная охрана, укрывшаяся поблизости, должна была начать действовать только по моему указанию. Ведь должен же был кто-нибудь приехать за Гусевой и ее вещами?

Так прошло больше часа. Неожиданно под окнами послышался шум подъезжавшей машины, а затем раздался осторожный трехкратный стук в дверь.

— Впускайте, — приказал я Полине Петровне.

Гусева открыла дверь. Мои помощники, ни секунды не мешкая, схватили вошедшего и связали ему руки. Когда зажгли свет, перед нами предстал...

Тут требуется сделать отступление. Как-то в первые дни по приезде в Самарканд я обратил внимание на заметку в местной газете, помещенную в разделе «Происшествия».

«Ограбление. Когда кассир Мамедов, получив в банке 5 тысяч рублей на зарплату сотрудникам своей конторы, собирался уходить из банка, ему подменили портфель. Придя в контору, Мамедов обнаружил в нем вместо денег старые газеты».

Заметку я прочитал Каневскому.

— Как ваше мнение, Каневский? — спросил я его. — Может, узнаете «по почерку» некоторых своих старых дружков?

— Ничего определенного не могу сказать, гражданин начальник, — помедлив, ответил он. — Фамилия кажется мне, правда, знакомой. Был у нас тоже Мамедов, так — мелкий жулик. Может, он просто ловчит с портфелем. Впрочем, не думаю, чтобы это был он; Мамедовых здесь, что Ивановых в русском городе.

На этом наш разговор и закончился.

На следующий день я зашел по делам в городской уголовный розыск. И перед самым уходом вспомнил о случае с кассиром. Хотя, откровенно говоря, мне и не хотелось ввязываться в текущие оперативные дела местных товарищей, но тут почему-то я вспомнил о намеке Каневского.

Мне показали портфель, оставшийся в уголовном розыске, как вещественное доказательство по делу растяпы-кассира. Просматривая газеты, находившиеся в портфеле, мы неожиданно обнаружили среди них номер катта-курганской газеты, датированный тем самым днем, когда Мамедову подменили портфель в банке.

Как могла попасть эта газета в Самарканд из Катта-Кургана, находившегося на расстоянии 80—90 километров от него? Очевидно, она была куплена в Катта-Кургане и привезена кем-то в Самарканд. Следовательно, преступник оттуда. Намечалась ниточка, с помощью которой можно было начинать осторожно разматывать клубок преступления.

Срочно вызванный в угрозыск Мамедов показал, что около него в операционном зале банка некоторое время крутился один человек, личность которого кассир запомнил по «заячьей губе». Мамедову предъявили альбом с фотографиями преступников. Перелистав дважды альбом, кассир указал на один из снимков:

— Вот этот, — твердо заявил он.

Начальник угрозыска рассмеялся:

— Да это же Ибрагим Наймуллин, Ванька Пугач! Он, правда, находится в Катта-Кургане, но в тюрьме, где отбывает срок за ограбление.

Может быть, Мамедов ошибся? Но кассир продолжал упорно настаивать на своем. Позвонили на всякий случай в катта-курганскую тюрьму. Оттуда сообщили: «Да, Ибрагим Наймуллин, по кличке Ванька Пугач, находится там, содержится на строгом режиме».

Намечавшаяся ниточка казалась прерванной навсегда...

И вот человек с «заячьей губой», что был опознан кассиром Мамедовым, был перед нами. Не представляло большого труда и не заняло много времени, чтобы окончательно убедиться, что перед нами действительно Ибрагим Наймуллин, он же Ванька Пугач, заключенный катта-курганской тюрьмы.

Через некоторое время с ордером на обыск в квартире Дорожкина вернулся из города Н. П. Бакулин. Но оказалось, что самого Дорожкина не было дома, а производить обыск в его отсутствие мы не хотели.

Вскоре он появился, отпущенный по нашей просьбе командиром части с дежурства. Это был совсем еще молодой по сравнению со своей женой человек. Дорожкин женился только полгода назад, причем половину этого срока он почти безотлучно провел в летних лагерях.

Мы предъявили ему ордер на обыск. Он смотрел то на ордер, то на жену, и его глаза выражали недоумение. Обыск в квартире ничего не дал. Лицо командира немного прояснилось, но не надолго.

При обыске погреба во дворе один из моих помощников вскрыл пол и сначала извлек одну винтовку английского образца, потом вторую, третью, а затем четыре тяжелых парабеллума.

Хозяин квартиры, увидев оружие, находившееся в его собственном погребе, кажется, не верил своим глазам.

— Откуда все это? — спрашивал он жену. — Нина, откуда?

Оказалось, что склад тайком от Дорожкина содержала по сговору с Гусевой его жена. Обе они получали от бандитов щедрые подарки в виде отрезов шелка, каракулевых шкурок, дорогих ковров и т. п.

Всю сцену обыска наблюдал Каневский. Он видел, как из погреба извлекаются винтовки, револьверы, патроны, и был внешне невозмутим. Казалось, что склад оружия не имел к нему никакого отношения. Ни на одном из многочисленных допросов он ни разу не обмолвился о существовании склада.

Но следствие показало, что именно он совместно с Дорожкиной и Гусевой создал этот «арсенал».

Откуда же появилось оружие? Как было установлено, участники мишкиной банды либо скупали его у других преступников, особенно у контрабандистов, либо похищали у наших военнослужащих.

Всерьез мы занялись и личностью человека с «заячьей губой». С первого же допроса он повел себя вызывающе. Как ему удалось выбраться из катта-курганской тюрьмы? Очень просто — перелез через стену. Откуда

он знал о намерении Гусевой уехать со старой квартиры? Нет, Наймуллин ничего об этом не знал и заехал к ней случайно, как к старой знакомой. Где достал автомашину? На вокзале, договорившись там с первым попавшимся шофером.

Только последнее соответствовало истине. Шофер сознался, что на «левую» поездку согласился из желания заработать, тем более, что клиент не скупился на деньги и даже вручил ему солидный задаток.

Куда следовало отвезти Гусеву с вещами? Нет, этого Наймуллин также не знал. Впрочем, он может кое-что сообщить, если за это ему сократят срок заключения хотя бы наполовину и забудут историю с подменой портфеля. Бандит собирался диктовать нам свои условия. Никто, конечно, не принял их всерьез, и Ванька Пугач был оставлен до поры до времени в качестве особо важного подследственного в самаркандской тюрьме. Туда же были отправлены Гусева и Дорожкина. В бывшей штаб-квартире разместилась наша оперативная засада.

СЛЕДЫ ВЕДУТ В КАТТА-КУРГАН

Нас заинтересовало, как мог Ибрагим Наймуллин, осужденный «со строгой изоляцией», свободно разгуливать так далеко от места заключения и как мог Михаил Каневский, осужденный к высшей мере, бежать из той же катта-курганской тюрьмы?

И вот мы снова в пути. Дорога ведет нас на этот раз в Катта-Курган, расположенный примерно в двух часах езды от Самарканда. По пути читаем Мишке «мораль»: пора перестать ему чувствовать себя посторонним наблюдателем, пришло время действовать более активно и на деле оправдывать оказанное доверие.

Катта-Курган представлял собой тогда типичный заштатный городок, каких немало было в Средней Азии. Почти сплошь состоявший из одноэтажных глинобитных

построек, обращенных окнами во двор, изрезанный узкими, безлюдными улочками и мутными арыками, лишенный зелени, город казался заброшенным.

Среди саманных плоскокрыших построек в Катта-Кургане заметно выделялось лишь двухэтажное здание тюрьмы, сложенное из камня.

Начальник тюрьмы Гришин, предупрежденный о приезде оперативной группы по телефону, уже ожидал нас в кабинете.

Это был мужчина неопределенного возраста. Ему можно было дать и 45 и 55 лет; он был одет в далеко не свежую чесучовую пару, а чувяки были надеты прямо на босу ногу. Печать уныния и скуки лежала на его сером, землистом лице. И говорил он глухим, как будто издалека доносящимся голосом. Складывалось впечатление, что все ему здесь надоело, наскучило, опротивело. Да он и сам не скрывал этого.

— Жду не дождусь, когда переведут отсюда, — не то жалуясь, не то прося говорил он. — Куда? Конечно, в Самарканд, откуда прислан. Там у меня семья, домик, сад. А здесь что? Одни неприятности.

Сообщать ему о том, что мы разыскиваем среди заключенных наиболее активных членов мишкиной банды мы, разумеется, не стали. Мы просто хотим проверить постановку учета в тюрьме...

Начальник выложил на стол несколько ящиков, где в алфавитном порядке были уложены регистрационные карточки на содержащихся в тюрьме людей. Но эти карточки ровным счетом ни о чем не говорили. Они заполнялись со слов самих заключенных и в большинстве из них было выдумано все: фамилия, имя и отчество преступника, место его рождения и жительства, занятие до суда и прочее. Преступников нужно было опознать в лицо, и сделать это мог только человек, хорошо знавший их, в данном случае Каневский.

Пока Мишка копался для вида в этих карточках, мы пытались выяснить обстоятельства, при которых исчез из тюрьмы Ибрагим Наймуллин.

— Просто ума не приложу, — говорил Гришин, — куда он мог пропасть. Все закоулки обшарили и безрезультатно. А ведь сбежать от нас просто невозможно. Всюду посты, усиленная охрана...

В это время в кабинете появился вызванный начальником надзиратель второго этажа Гладков. На этом этаже находилась камера, где содержался Ибрагим Наймуллин. В отличие от своего начальника надзиратель выглядел щеголевато. На нем был добротный костюм, расшитая национальным узором свежая сорочка, на ногах мягкие сапоги. Говорил Гладков не в пример своему начальнику громко, бодро. Но вот что касается Наймуллина, то надзиратель даже ума приложить не может, как и куда он скрылся.

Мы склонились над планом тюрьмы, а Гладков тем временем отошел к Каневскому. Мы не слышали, что он ему говорил, но вдруг на весь кабинет раздался дрожавший от негодования и обиды мишкин голос:

— Это я-то, значит, «лягавый», стало быть, я-то продаю своих!

Гришин и Гладков были явно смущены, а мы поспешили распрощаться и вернулись в гостиницу.

— Пишите, гражданин начальник! — обратился ко мне вечером Каневский. Его глаза блестели каким-то беспокойным, лихорадочным блеском. «Опять где-то успел анаши набраться», — догадались мы, зная исключительное пристрастие Мишки к этому наркотику.

То ли под влиянием анаши, то ли под впечатлением нанесенной ему надзирателем обиды, а вернее и того и другого вместе, но в тот вечер мы заполнили со слов Каневского не один лист допроса.

Вот что выяснилось. Гладков появился в Катта-Кургане немногим более года назад, сменив прежнего надзирателя, снятого с работы за взяточничество. Новый надзиратель не только быстро усвоил плохое наследие своего предшественника, а еще и приумножил его. Подкупив некоторых конвойных, он ввел систему краткосрочных «отпусков» для преступников. Конечно, этим правом пользовались только хорошо знакомые Гладкову люди, которые ни при каких обстоятельствах не могли бы подвести его. Этим правом неоднократно пользовался и Мишка Каневский.

Вырвавшись на свободу, уголовники занимались мелкими кражами, ограблением прохожих, спекуляцией и прочими «делами», а затем с «добычей» возвращались обратно в тюрьму, где и делили ее с надзирателем. Карман Гладкова никогда не пустовал. И все же денег

ему не хватало. Систематические кутежи в самом Катта-Кургане, увеселительные поездки в Самарканд — все это требовало немалых денег.

Заодно с надзирателем действовали и некоторые лица, служившие в охране тюрьмы. С их помощью была, в частности, весьма искусно разыграна инсценировка «побега» Каневского из катта-курганской тюрьмы «с разоружением охраны».

Теперь у нас не оставалось сомнений в том, каким образом не раз оказывался на свободе Ибрагим Наймуллин.

Гладков на другой же день был арестован и под строгим надзором препровожден в Самарканд. Снят был с работы и привлечен к ответственности также начальник катта-курганской тюрьмы Гришин.

Так один за другим выпадали звенья из цепи, которая связывала преступников с их «шефами», постепенно разматывался клубок их преступлений.

Скажу прямо, что нигде и никогда за многие годы работы в органах милиции мне не приходилось видеть ничего подобного тому, что я увидел в катта-курганской тюрьме. Но нельзя забывать, что события, о которых здесь рассказывается, происходили в конце двадцатых годов, когда в Средней Азии шла ожесточенная классовая борьба. Враги всячески пытались проникнуть в молодой аппарат советских учреждений Узбекистана, в том числе и в органы милиции, чтобы, действуя изнутри, всячески мешать социалистическому строительству, срывать выполнение заданий партии и правительства. Этим объясняется то, что на первых порах в органы внутренних дел проникли чуждые нам люди.

В других местах заключения была иная картина: там поддерживались должные порядок и дисциплина, велась работа по политическому и трудовому воспитанию заключенных. И это приносило свои положительные результаты. В моем дневнике сохранилась, например, такая характерная запись: «Из ферганского исправдома условно освобождены 124 человека; 68 человек направлены на полевые работы; часть людей послана в сельскохозяйственную колонию. При кокандском домзаке имеются три фруктовых сада; в мастерских работает 140 человек».

БЫВШИЙ АТАМАН В ... ПАРАНДЖЕ

В САМАРКАНДЕ меня ожидала телеграмма-молния из Москвы. Она гласила: «Полученным сведениям Каневский намерен бежать. Примите меры предосторожности. Вридначцентророзыска РСФСР Назаров».

Я, грешным делом, подумал: не перестраховка ли это? Мы, конечно, усилили наблюдение за главарем банды, но, откровенно говоря, не особенно верили в прозорливость наших московских сослуживцев.

— Вы что же, решили расстаться с нами? — обратился я к Каневскому.

С этими словами я протянул ему телеграмму. На этот раз Каневский сбросил обычную маску безразличия.

— А что вы на это скажете? — проговорил он, вынимая из кармана пиджака свернутую трубочкой бумажку и показывая мне. В ней было написано: «Мишка! Молись богу и заказывай по себе панихиду. Доживаешь последние дни, лягаш проклятый».

Подписи под запиской не было. По словам Каневского, бумажку кто-то незаметно сунул ему в карман, когда мы обходили камеры одной из тюрем.

— Это почище вашей телеграммы будет. Бумажку «простучат» по тюрьмам, раньше чем скорый поезд дойдет отсюда до Ташкента, — сказал Каневский.

Действительно, подобного рода новости распространялись в уголовном мире неведомо какими путями, но с поразительной быстротой.

— Теперь решайте: сбегу я или нет, — продолжал Мишка. — И куда мне теперь бежать?

Рассуждения Каневского не были лишены логики. Он оказался как бы между двух огней. Оставаясь с нами и помогая нам, он мог рассчитывать на великодушие советских судей, а другая сторона во всех случаях угрожала верной смертью за «измену». Отныне мешали бежать ему не столько мы, сколько... сами бандиты, недавние соучастники Каневского по грабежам и убийствам.

Случай, происшедший с ним вскоре в г. Карши, наглядно подтвердил это. Как-то вечером Мишка отпросился в кино. Разрешение он получил. Присматривать

за ним послали одного нашего сотрудника. Он следовал на некотором расстоянии от Мишки. И вот не доходя до кинотеатра, в глухом переулке Каневский неожиданно попал под огонь. Стреляли одновременно справа и слева. Каневский спасся только потому, что успел плашмя упасть на землю и отползти под покровом темноты в придорожный кювет.

Стало ясно, что Каневский выслежен бандитами, его «предательство» разоблачено. Если бандитам не удалось уничтожить Мишку в Карши, они попытаются сделать это в любом другом месте, где только он появится.

После покушения Каневский, опасаясь мести, наотрез отказался от посещения тюремных камер. Раньше он мог только предполагать, что уголовники, видя его в сопровождении тюремного начальства, лишь смутно догадывались о настоящей цели его «визитов». Теперь они наверняка знали, зачем он обходит в каждом городе тюрьмы.

Мы понимали, что опасения Каневского вполне обоснованны, но одновременно задавали себе вопрос: как же теперь быть? Разыскивать преступников по регистрационным карточкам, в которых, как я уже говорил, нередко все было выдумано, не имело смысла. Только лично опознав бандита, можно было сказать, что вот он, отбывающий наказание, скажем, за кражу домашних вещей, в действительности является убийцей, а вот этот, осужденный, например, за хулиганство, на самом деле известный специалист по взлому сейфов и т. д. Таким человеком, хорошо знавшим в лицо почти всех наиболее крупных уголовников Средней Азии, и являлся Каневский.

Теперь после покушения миссия нашего «помощника» как будто закончилась, а в то же время задачи по розыску преступников еще далеко не выполнены.

Надо было во что бы то ни стало вновь открыть Каневскому безопасный доступ в тюремные камеры. Но как? Кто-то из нас предложил загримировать Мишку. Но разве «загримируешь» черные, буравящие мишкины глаза, один взгляд которых сразу выдал бы его каждому, кто хотя бы раз встречался с ним. Темные очки? Но это была бы примитивная маскировка дореволюционных сыщиков. Мишкину фигуру, его голос, лицо знали сотни преступников.

И вот кто-то предложил:
— А не попробовать ли паранджу?
Сначала Каневский, да и я сам отнеслись к этому предложению иронически. Действительно, трудно было представить Мишку в женском одеянии. Но когда для пробы он в просторном цветастом женском платье, в темной, ниспадавшей на лицо парандже появился перед нами, все одобрили маскировку. Теперь Мишку нельзя было отличить от заурядной, обыкновенной узбечки, что встречались нам на улицах и базарах. В то время как бывший атаман банды мог внимательно рассматривать каждого, кто с ним встречался, другому за паранджой лица его не было видно. Тут же мы и «перекрестили» Каневского. Теперь он стал «мамашей Хабиб».
Под таким именем и в восточном женском одеянии Каневский без опасений посещал тюрьмы в городах, где мы бывали. «Мамаша Хабиб» появлялась там под видом матери, разыскивающей с разрешения властей сына, которого незаконно упрятали в тюрьму.
Все это, конечно, было шито белыми нитками, довольно наивно, но тем не менее никто из заключенных так и не опознал в «мамаше Хабиб» бывшего вожака банды Михаила Каневского.
Правда, однажды с «мамашей Хабиб» чуть не случился большой конфуз. Переодеваясь, Мишка забыл снять мужские хромовые сапоги. Кто-то из заключенных заметил это в камере и предложил:
— Мамаша, продай сапоги.
Мишка, изменив голос, пробормотал что-то вроде: «Уйди, неверный...» и постарался тут же ретироваться из камеры.

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

КТО ТОЛЬКО не попадался нам среди преступников, пребывавших тогда в Средней Азии! Уже по одним воровским кличкам можно было догадаться, откуда они прибыли сюда на «гастроли». Среди задержанных бандитов оказались отъявленные преступники, оперировав-

шие до этого в других городах: Васька Гомель, Мишка Саратовский, Ленька Петроград, Колька Мордвин, Жора Бакинский, Сережка Армянин и другие.

Некоторые из них раньше находились в банде Кирюхина-Блинова, носившего кличку Колька Большой. Об этой шайке следует рассказать особо. Созданная еще в начале двадцатых годов, эта группа преступников действовала самостоятельно и могла смело соперничать с шайкой Каневского как по числу убийств, ограблений, налетов, так и по изуверским способам выполнения своих разбойничьих замыслов.

Сам Кирюхин-Блинов, как и его ближайшие приспешники, в середине 1928 года был обезврежен, но кое-кто из непойманных бандитов влился в шайку Каневского и продолжал преступную деятельность.

Таким образом, наряду с разгромом основных «кадров» мишкиной банды мы должны были переловить переметнувшихся к нему «кирюхинцев».

Среди них особой жестокостью отличался некий Половинкин, он же Лебедев, Лаврентьев, Ванька Пижон.

Однажды, во время очередной «отсидки» в тюрьме, полагавшейся ему за какое-то маловажное, второстепенное преступление, Половинкин был случайно опознан как один из ближайших сподвижников Кирюхина. Об этом немедленно сообщили в Центророзыск. Оттуда последовало распоряжение срочно доставить бандита в Москву. Каково же было там удивление, когда документы Половинкина оказались на руках у некоего Игматова!

Стали выяснять, в чем дело. Оказалось, что Половинкин, узнав, что его собираются отправлять в Москву, обменял за крупную сумму денег свои документы на документы Игматова, отбывавшего наказание за растрату. Но это удалось установить только тогда, когда мнимый Игматов, а на самом деле Половинкин, отбыл свой срок и очутился на свободе.

Половинкин вошел в мишкину шайку, где быстро восстановил свое звание отчаянного головореза, способного на любые самые тяжкие преступления. Однажды он вместе с группой уголовников напал на дом Ризы Райматулова в Ташкенте. Но ничего, кроме 35 рублей, бандиты не нашли. Тогда они вырезали всю семью Рай-

матулова из пяти человек, а на обратном пути, боясь разоблачения, убили своего же соучастника Кажулова.

До нас дошли слухи, что этот самый Половинкин является претендентом на роль вожака уголовной шайки, и поэтому скорейшая поимка его становилась для нас настоятельной и безотлагательной задачей.

Долго не удавалось напасть на его след. Но вот однажды во время массовой облавы на базаре в Чарджоу наряду с другими задержанными в милицию был доставлен владелец промтоварного ларька, заподозренный в скупке краденых вещей. В это время в Чарджоу находилась наша оперативная подгруппа, в составе которой был как раз Каневский. Обычно все задержанные во время облав проходили через наш «фильтр». Так было и на этот раз. И вот оба «короля» бандитской шайки: бывший — Каневский и будущий — Половинкин — встретились лицом к лицу. Встреча для обоих, да еще в милиции, была совершенно неожиданной, и поэтому преступники не могли сначала от удивления произнести ни слова. Но молчание-то их и выдало. По физиономиям обоих легко было угадать, что встретились старые и притом хорошие дружки.

После долгих отпирательств, нескольких очных ставок старые сообщники были вынуждены признать друг друга, а Половинкин — назвать себя. Под вывеской промтоварного ларька в Чарджоу скрывалась воровская явка, организованная Половинкиным. Заодно он действительно занимался скупкой краденых вещей. На этом и закончилась карьера Половинкина, претендовавшего на роль главаря банды.

Другой, не менее колоритной фигурой среди арестованных бандитов был пресловутый Сережка Юрок, который бежал от нашей опергруппы из г. Кагана. Задержали Юрка на станции Бек-Буди, на месте его очередного преступления. Мы были предупреждены местными комсомольцами, что на станции замечены какие-то подозрительные лица. Об этом нам сообщили примерно за два часа до прихода поезда. Именно этим поездом местный Госбанк отправлял сегодня в окружной центр деньги, упакованные в три кожаных мешка.

Не с этим ли связано появление на станции пятерых незнакомцев? Каневский, спрятанный нами в помещении

служебного телеграфа, узнал среди них Сережку Юрка, одного из своих бывших помощников.

На всякий случай мы вызвали из транспортного отделения ГПУ трех оперативных работников, попросили выделить в помощь нескольких комсомольцев и стали терпеливо ожидать поезда. В тот момент, когда к почтовому вагону, который был немедленно оцеплен нами, стали из помещения вокзала выносить мешки с деньгами, на перроне раздались выстрелы. Это незнакомцы открыли огонь с тем, чтобы, воспользовавшись поднявшейся на станции суматохой, похитить деньги. Завязалась перестрелка с охраной. Трое бандитов были схвачены. Среди них оказался и «неуловимый» Сережка Юрок. Поезд без опоздания двинулся дальше.

При несколько необычных обстоятельствах попался в наши руки также давно разыскиваемый вор и убийца Жорка Деменчук, работавший вместе со своим двоюродным братом, известным под кличкой Колька Ша.

На счету братьев числилось несколько ограблений, некоторые из которых сопровождались убийствами. Так, в одном из кишлаков они обворовали мечеть и при этом тяжело ранили сторожа. Мулла и местные баи поспешили приписать ограбление коммунистам, которые, мол, грабят и разоряют мечети в Средней Азии «по указанию Москвы». Делалось это с той целью, чтобы восстановить массы верующих против Советской власти.

Дознание показало, что грабителями были братья Деменчук, но одновременно выяснилось, что часть похищенных в мечети вещей находится в доме... муллы, который, оказывается, был в сговоре с бандитами.

Братья Деменчук и мулла были арестованы. Пока велось следствие, Жорке Деменчуку удалось бежать из тюрьмы. Вторично арестовали его на маскараде в Коканде, где его опознали рабочие местного хлопкоочистительного завода, не раз помогавшие органам милиции. Дело в том, что Коканд являлся постоянной, почти легальной резиденцией братьев Деменчук, и многие жители хорошо знали их в лицо.

Но и на этот раз Жорке Деменчуку удалось благополучно выскользнуть из рук властей.

Примерно через год мне снова довелось с ним встретиться. Дело происходило в Алма-Ате, где я занимал должность Народного комиссара внутренних дел Казах-

ской республики. Как-то в парикмахерской я обратил внимание на удивительно знакомое мне лицо одного гражданина. Начав бриться, я вдруг вспомнил: «Да ведь это Жорка Деменчук!» Но когда я выскочил на улицу с мыльной пеной на щеках, Жорка уже исчез.

Зато он дня через два или три сам нашел меня. Ночью я услышал сквозь сон, как кто-то вырезает стекло в окне моей комнаты (квартира находилась в бельэтаже). Я вскочил с постели и, взяв револьвер, бросился к окну. На меня через стекло смотрело также дуло пистолета. Но я успел выстрелить первым, и неизвестный упал.

Он оказался тем самым Жоркой Деменчуком, которого я недавно встретил в городе. Он выследил мою квартиру и решил убить меня как человека, хорошо знавшего его преступное прошлое. Раненый бандит после выздоровления получил от советского правосудия по заслугам.

ШЕЛКОВОЕ СЮЗАНЕ

ЗА НЕСКОЛЬКО месяцев до нашего приезда в Среднюю Азию были ограблены пассажиры поезда дальнего следования, ехавшие из Самарканда. Ограбление произошло на одном из железнодорожных перегонов. Преступники неожиданно появились в вагоне, вошли в купе и, угрожая оружием, отобрали часы, браслеты, деньги и находившийся в купе багаж (ковры, шелка и т. п.). На ближайшей станции преступники покинули вагон, предварительно заперев в купе насмерть перепуганных пассажиров.

Даже по тем временам это было дерзкое разбойничье нападение. К этому делу привлекли наиболее квалифицированных криминалистов, лучших оперативных работников, но, увы, напасть на след грабителей так и не удалось. Оставалось предположить, что бандиты со всем награбленным скрылись за границу, тем более что случаи перехода границы неоднократно отмечались и раньше.

И вот однажды я пришел по делам к руководителю одной республиканской организации. В просторной приемной я обратил внимание на большое сюзане, висевшее на стене. Откровенно сказать, я не отношусь к тонким знатокам искусства, но то, что я увидел, не могло не восхитить меня. Стены приемной как бы раздвинулись, и я очутился на берегу горной бурной реки, катившей свои воды по живописной долине. На противоположном берегу вдали горделиво возвышались заснеженные вершины могучего горного кряжа, над которым клубились облака. Никогда в жизни, кажется, не видел я столь дивного, неповторимого по своей красоте пейзажа. А ведь он был не нарисован, а выткан вручную шелком по ткани. Сколько же труда, вкуса, чувства вложили люди в создание этого произведения!

Позднее это сюзане видели другие мои сослуживцы и тоже восхищались творением безвестных мастеров. Один из них как-то посетовал: «Возимся вот каждый день с утра до ночи с бандитами, так и настоящей красоты не удастся повидать».

Действительно, так хотелось бы на день забыть о тюремных камерах, ночных засадах, допросах. Хотя бы на день! Однажды я высказал эту мысль Александру Васильевичу Локтеву.

— А чего же тут грешного? — удивился он. — Наоборот, очень хорошая мысль, иначе вы такими делягами станете...

Решили съездить для начала в Шахризябс, к ковровщицам, которые выткали это изумительное сюзане. К сожалению, дела снова так сложились, что поездку пришлось на время отложить.

Но один из наших сотрудников, будучи как-то по делам службы в Старой Бухаре, неподалеку от которой и находится город, славящийся своими коврами, заехал туда.

Когда он рассказал работницам артели о замечательном сюзане, увиденном им в Самарканде, те подтвердили, что оно было выткано у них, в Шахризябсе.

Как же оно снова попало в Самарканд? Позвонили в ту организацию, где висело сюзане. Руководитель учреждения заинтересовался этим вопросом не меньше нашего. Пригласили пассажиров поезда, у ко-

торых некогда было украдено сюзане, и показали им полотно.

— Да, это то самое, которое полгода тому назад похитили у нас в поезде. И покупали мы его действительно в Шахризябсе, — подтвердили они.

Так возникло дело о сюзане, похищенном в поезде и каким-то образом очутившемся в приемной кабинета ответственного советского работника.

Начали выяснять, в чем же дело. Оказалось, что сюзане было куплено комендантом этого учреждения. Увидев его в комиссионном магазине и заручившись согласием своего начальника, он приобрел ковер для учреждения.

Мы немедленно отправились в магазин. Директор магазина на вопрос о том, у кого он приобрел ковер, долго мялся, путался, но в конце концов сознался, что купил сюзане у неизвестных за две тысячи рублей (а продал, кстати, за три тысячи рублей).

Украденную вещь вернули владельцам, а директора-спекулянта отдали под суд, но поставить на этом точку было нельзя. Естественно, возникал вопрос: а кто же эти «неизвестные»?

Директор рассказал нам, кажется, все, что знал о них: подробно описал их наружность, характерные приметы.

Просмотрев материалы в уголовном розыске, примерно установили, что грабителями могли быть Ленька Шайтан и Ванька Ямщик, специализировавшиеся на наиболее сложных видах ограблений. Они входили в шайку Каневского. Оба бандита после ограбления поезда еще старательнее замели за собой следы.

Каневский начисто отрицал свое участие в этом ограблении. По его словам, он даже не слышал о нем. Последнему поверить было трудно. Ведь этот случай получил в свое время широкую огласку в республиканской прессе, а главарь банды, оказывается, «впервые слышит» об ограблении!

Тогда мы вспомнили о вещах, конфискованных у Гусевой при ее аресте. Может быть, они подскажут нам что-либо новое?

Пассажиры поезда, которым были предъявлены эти вещи, обнаружили среди них красивый бухарский халат, который был украден одновременно с сюзане. Гу-

сева показала, что халат ей сдала в свое время «на хранение» Мария Вилкова, жена ... Леньки Шайтана. Таким образом, наши подозрения подтверждались.

Предстояло разыскать и выловить участников преступления. Хорошим помощником в розыске этих двух, да и некоторых других уголовников оказался Николай Иванович Шипкалов, человек, о котором я до сих пор вспоминаю с самым теплым чувством.

Но сначала несколько слов о нем самом. К нам он пришел из... тюрьмы. Пришел и сказал:

— Если чем могу быть полезен в борьбе с бандитами, можете мною располагать в любое время. Никакого вознаграждения не прошу. Вот мой адрес...

Николаю Шипкалову мы поверили. И вот почему. Сам он рабочий, на его иждивении престарелый отец. Однажды на рынке к нему в карман (а там лежала получка, которая заранее была рассчитана по рублям и копейкам) залез какой-то воришка. Шипкалов тут же на базаре до полусмерти избил его. За это Николаю дали четыре месяца тюрьмы.

Сидел Шипкалов в общей камере с уголовниками. Там он навидался и наслышался многого, что не могло до глубины души не возмутить честного человека. В тюрьме он благоразумно ничем не обнаружил своих истинных мыслей и за тихий характер, умение слушать и вовремя «посочувствовать» заслужил их уважение.

Вот кто был Николай Иванович Шипкалов, которого мы и решили отпустить «на дно». Его задачей было напасть на след бандитов Леньки Шайтана и Ваньки Ямщика, подозревавшихся нами в ограблении поезда.

«Дном» Шипкалов избрал чайхану на окраине Самарканда. Чайхана работала почти всю ночь. Здесь можно было покушать, выпить бодрящего зеленого чая и даже «зарядиться» анашой. По вечерам на свет ее лампы-молнии собирался бесприютный базарный люд, жулье разных возрастов и воровских профессий. Владельцем чайханы был Багир, тучный, шумливый узбек, почти круглые сутки метавшийся от кухни к прилавку и обратно.

Вот к Багиру-то и отправился Николай Шипкалов, надеявшийся встретить здесь кое-кого из числа тюремных «дружков». Однако ни в этот, ни на следующий день никого из них он не встретил. А воровская ме-

люзга, с которой он познакомился, была ему не нужна.

Только на третий день он встретил здесь более или менее полезного для него человека — Федьку Челыша, отбывавшего вместе с ним наказание, кажется, за грабеж.

Но тот был не при деньгах, а потому молчалив, скучен и зол. Однако после двух приемов анаши он заметно оживился, хотя толку от этого было пока мало. Федька жаловался, что за время «сидки» растерял все связи с друзьями, а без них он как без рук. Николай знал по рассказам самого Челыша, что тот большой специалист по разного рода уголовным делам, но при этом всегда ищет себе сильного опытного напарника.

«Рано или поздно, а на этот крючок должна клюнуть хорошая рыба», — подумал Шипкалов о Челыше и продолжал подкармливать его.

Как-то придя к Багиру поздно вечером, Николай увидел там Федьку. По его лихорадочно блестевшим глазам и оживленной речи он догадался, что тот сегодня принял уже не одну дозу наркотика.

— Все, браток. Мой пост кончился. Жизнь начинается снова, — приветливо встретил он Николая.

Выяснилось, что он встретился с кем-то из прежних знакомых и на завтра приглашен к нему домой для «серьезного» разговора.

— Может быть, меня возьмешь? — спросил Николай. Федька сначала отказался.

— Понимаешь, он побаивается незнакомых людей...

Николай сделал обиженное лицо:

— Ты что меня не знаешь, поручиться не можешь?! В одной камере сидели, из одного котелка ели...

Короче говоря, Челыш согласился взять Шипкалова с собой; тюремные связи сыграли тут свою роль.

— Ладно, пойдем, только смотри, никому ни звука, — предупредил он.

Вечером следующего дня они постучались в дверь небольшого домика на одной из тихих улочек старого Самарканда. На стук вышла дородная дама в шелковой, украшенной бисером накидке. Федька что-то шепнул ей, и она, еще раз осмотрев обоих, впустила в дом. Комната, куда они вошли, служила гостиной. Она была увешана коврами, посредине стоял круглый стол, по углам — мягкие кресла и диван.

Вскоре из боковой двери появился и знакомый Федьки. Это был низенький, полный человек, одетый в заметно просторный для него костюм. Он подозрительно осмотрел Николая, затем вопросительно взглянул на Федьку. Тот что-то быстро зашептал хозяину на ухо.

Как узнал вскоре Шипкалов, он очутился на квартире некоего Ваньки Бедуина, на которого «по найму» работали несколько бандитов. Сам он непосредственного участия в ограблениях не принимал, предпочитая лишь формировать уголовные «команды», занимая, так сказать, должность «начальника кадров», а затем сбытчика краденого. В воровском мире он пользовался большим влиянием.

Челыш с хозяином уединились в одной из смежных комнат и там довольно продолжительное время совещались.

Когда оба, Николай и Федька, вышли из квартиры, Челыш, видимо сгорая от нетерпения, не без гордости сообщил:

— К самому определил ...

Расспрашивать о «самом» Николай поостерегся. А вдруг у Федьки мелькнет хотя бы тень подозрения? Но ночью, «набравшись» у Багира анаши, Федька, как он ни старался сдерживаться, все же не утерпел и хвастливо шепнул Шипкалову:

— Самому Леньке Шайтану стану помогать!

«Так вот оно что! — с удовлетворением подумал Шипкалов, — значит на крючок клюнула та самая рыбка, которая и требовалась».

На следующий день рано утром Николай Шипкалов проводил Федьку до места встречи его с бандитом, запомнил дом, где тот квартировал, а сам отправился восвояси, уговорившись встретиться с Челышем как всегда у Багира. Через некоторое время Николай Шипкалов уже сидел у нас и рассказывал обо всем случившемся с ним за эти дни. Он также сообщил адреса Ваньки Бедуина и Леньки Шайтана.

В аресте их Николай, по соображениям конспирации, участия не принимал, да и особой необходимости в этом не было.

Вместе с Ленькой Шайтаном под стражу были взяты и его сообщники по ограблению пассажиров поезда: его

жена Мария Вилкова, бандиты Ямщик и Аршак. Награбленные вещи, уцелевшие от продажи, были возвращены владельцам.

Так простой рабочий помог нам распутать сложное дело. С той поры он стал одним из активнейших помощников уголовного розыска по разгрому осиных бандитских гнезд.

ДЯДЯ ФИЛЯ

КАЖДОЕ УТРО на площади Регистана в Самарканде сотрудники расположенного неподалеку отделения милиции неизменно встречали человека, совершавшего прогулку мимо величественных древних мавзолеев. Был он не то чтобы дряхлым, а каким-то пришибленным, с жалобно-просящими глазами, в неприхотливой одежонке. Но он не был нищим-попрошайкой, он просто гулял. Ничего подозрительного в его прогулках и поведении не было. Сам он был инвалидом и жил на доходы своей жены — мелкой базарной торговки.

Домик его стоял в одном из примыкавших к площади переулков, почти рядом с отделением милиции и, естественно, сотрудники рано или поздно должны были завести и со временем завели с ним знакомство. Филипп Гарбузенко — так звали его — постепенно стал для милиционеров просто дядей Филей. Никто не считал за грех поделиться с ним городскими новостями, поболтать о погоде, выкурить по папиросе. А новостей водилось у дяди Фили всегда в избытке — их доставляла с базара жена. Различные сплетни сыпались из его уст, как рис из прорвавшегося мешка, при этом в глазах мелькали веселые искорки.

Никто бы и мысли не допустил, что он преследует при этом какие-то цели: допустим, хочет узнать что-то от милиционеров. Наоборот, он резко менял разговор, как только последний касался служебных дел сотрудников отделения. Так текли дни, недели, месяцы...

И вот однажды дядя Филя переступил порог отделения, сопровождаемый... постовым милиционером, имевшим весьма встревоженный и озабоченный вид.

— Задержал около базара, беседовал с Ванькой Афанасьевым. Тот убежал, а дядю Филю я задержал,— доложил постовой.

Ванька Афанасьев — двадцатидвухлетний уголовник — уже трижды бежал из тюрьмы и на него был объявлен розыск.

Дежурный вопросительно посмотрел на Гарбузенко.

— Убей меня бог, — взмолился последний, — я даже не знал, с кем разговаривал. Подошел какой-то оборванец и начал канючить трешницу. Ну, я его и отшил...

Сам дядя Филя всегда был одет в обтрепанную шинель кавалерийского образца, и вряд ли Ванька Афанасьев мог обратиться к нему за помощью. Сомнения в достоверности объяснений дяди Фили напрашивались сами собой, но дежурный по отделению решил все же с миром отпустить «соседа».

Отпустил, но вскоре об этом горько пожалел. В те дни в Средней Азии шел очень громкий процесс. Выездная сессия Верховного суда республики в кишлаке Тоди под Андижаном судила большую группу преступников, куда входили муллы и имамы, а также бывшие басмачи, обвиняемые в систематических убийствах трудовых дехкан. Накануне 8 марта, Международного женского праздника, эти отъявленные бандиты устроили большую резню, зверски расправившись с несколькими женщинами, сбросившими паранджу.

В ходе процесса выяснилось, что некоторые участники банды активно сражались против Советской власти еще в 1918—24 годах. Вожаком их в этом районе являлся заклятый враг народа, кровавый палач курбаши Салды Валды-Казым, пойманный и расстрелянный советскими органами в 1925 году. Но он оставил после себя агентуру, представшую перед судом четыре года спустя, как раз в те дни, о которых мы рассказываем.

При курбаши толмачом, то есть переводчиком, состоял дезертир из рядов Красной Армии ... небезызвестный нам дядя Филя, отличавшийся особой, звериной жестокостью при допросах пленных красноармейцев. Когда главаря басмаческой шайки захватили со-

ветские войска, дядя Филя, у которого находился большой и разнообразный выбор документов, взятых им у убитых красноармейцев, под чужим именем перебрался в Самарканд. И здесь продолжал как мог вредить Советской власти. Но все это выяснилось позднее.

Прежде всего дядя Филя связался через жену с уголовниками, «работавшими» на самаркандском базаре. С их помощью он легко восстановил связи с последышами Салды Валды-Казыма, продолжавшими после его смерти активно действовать в районе Андижана. Нельзя сказать, чтобы бывший толмач претендовал на какую-то руководящую роль в этой шайке. Нет, его претензии были куда скромнее: он старался помогать чем мог басмачам, рассчитывая на выгоду для себя. Филипп Гарбузенко знал, конечно, что они в денежной помощи не нуждаются; систематические грабежи мирного населения приносили им сверхдостаточные доходы. Да и денег-то, собственно, у дяди Фили не было; жили они, действительно, на то, что удавалось добыть его жене на базаре.

Но бандиты остро нуждались в оружии. Они готовы были заплатить бешеные деньги за каждый пистолет или винтовку. Раньше басмачи получали оружие главным образом из-за рубежа. Но с тех пор как граница стала охраняться строже и пограничники прочно заняли все явные и тайные проходы и тропы в горах, по которым проходила государственная граница Советского Союза, этот источник добычи оружия в значительной степени иссяк.

Все это учел Филипп Гарбузенко. Как-то случай свел на базаре его жену с Полиной Петровной Гусевой. Случайное знакомство постепенно переросло в дружбу — мошенницы безошибочно угадали друг в друге единомышленниц. Затем последовало личное знакомство Филиппа Гарбузенко с Каневским, и сговор между бандитами состоялся. Каневский обязался поставлять, а Гарбузенко приобретать у него оружие и боеприпасы. Для связи с басмачами Каневский рекомендовал ему Ваньку Афанасьева, человека молодого, но хитрого и коварного, не разбиравшегося в средствах на пути к деньгам. Разбой, убийства, насилие — на все мог пойти Афанасьев. Дядя Филя сначала опасался: такой может подвести. Но Каневский заверил его в пол-

ной надежности молодого бандита, и тот был принят в «дело».

Для начала, а одновременно и для проверки Федька получил задание съездить в Андижан, обновить две-три старые явки (остальные ему Гарбузенко из предосторожности не сообщил). Оттуда Афанасьев привез дяде Филе доказательства, что с порученным делом он справился успешно.

Потом начались регулярные поездки Афанасьева в андижанский район с оружием. Конечно, он возил его не партиями, не ящиками. Весь груз состоял иногда из пары пистолетов или разобранной на части и спрятанной в мешок винтовки. Но басмаческие последыши так щедро оплачивали каждую такую посылку, что ни Каневский, ни Гарбузенко, ни сам Афанасьев не могли пожаловаться на невыгодность затеянного ими предприятия.

Постепенно на квартире дяди Фили был создан филиал склада оружия, основная база которого находилась в доме, где обитали Гусева и Дорожкина.

Тайный склад оружия, да еще где — под носом у милиции, рядом с отделением! Так вот ради чего дядя Филя так старательно поддерживал знакомство с милиционерами!

Но вдруг события, одно за другим, начали катастрофически угрожать «фортуне» Филиппа Гарбузенко. Сначала как-то неожиданно исчезли с его горизонта Каневский и Гусева. Потом также неожиданно куда-то скрылся Ванька Афанасьев. А когда Гарбузенко снова увиделся с ним, их встречу заметил постовой милиционер. Ваньке удалось скрыться, а дядю Филю доставили в милицию. Вот тут и пригодилось «старое знакомство», и дядю Филю отпустили с миром.

Но Гарбузенко все же было не по себе. Ванька Афанасьев успел сообщить ему, что шайка бывших басмачей раскрыта и бандиты осуждены. Он сообщил также, что среди других, непойманных соучастников Салды Валды-Казыма свидетели называют какого-то «русского, который был хуже самого бешеного шакала» и служил у курбаши толмачом.

Надо было немедленно скрываться. И Гарбузенко в тот же день скрылся вместе с женой. Видимо, оба так торопились, что не успели даже как следует

замаскировать место, где хранилось оружие. А о том, чтобы куда-нибудь его переправить, не могло быть уже и речи.

Утром, на следующий день после того, как дядю Филю приводили в милицию, по дороге на службу работники милиции не могли не обратить внимания на то, что дяди Фили на его обычном месте на площади Регистана не было. А немного спустя пришедший в отделение постовой милиционер с базара поделился другой новостью: сегодня впервые жена дяди Фили не появилась на рынке.

Невольно все это связали со вчерашним приводом дяди Фили в отделение. Бросились на его квартиру. Там все носило следы поспешного бегства. Произвели обыск и после недолгих поисков обнаружили тайник с оружием.

Из рук охотников выскользнул очень опасный хищник. Выскользнул.., но снова попал в капкан и на этот раз достаточно крепко и надежно.

...Хотя Каневский и оказывал нам помощь в разоблачении своих бывших помощников, все же при всяком удобном случае он пытался запутать ход следствия, а порой скрывал от нас многие факты.

Так, он утаил, что в Самарканде наряду с основной «штаб-квартирой» существовала еще одна, запасная, резервная, предназначенная на случай провала. Она находилась на одной из глухих улочек Старого города. Вот туда-то и должен был «перебазировать» Наймуллин Гусеву вместе с ее вещами.

Адрес второй квартиры сообщил на допросе сам Наймуллин, который в надежде на снисхождение теперь «оптом и в розницу» торговал всеми известными ему секретами.

Запасная квартира находилась в маленьком глинобитном домике. «Квартиронаниматели» Каневский и Гусева бывали здесь очень редко. Адрес квартиры они держали в строжайшем секрете, и его знали только несколько человек, в том числе и Гарбузенко.

Здесь была устроена вторая наша засада. Когда матерый преступник постучался в запасную квартиру, он попал в руки наших оперативников.

Признание самого Гарбузенко и показания свидетелей с исчерпывающей полнотой вскрыли нутро преда-

теля, лютого врага советского народа. Кажется, уже ничего нового к имевшимся материалам не могла прибавить очная ставка Гарбузенко с Каневским. Тем не менее я решил ее устроить. Мне хотелось выяснить, понимает ли Каневский всю глубину и тяжесть совершенных им преступлений, начавшихся с мелких краж и ограблений и закончившихся связями с прямыми изменниками и врагами нашего государства.

Встретившись у меня в кабинете, оба бандита долго молчали.

— Что ж, Гарбузенко, поблагодарите Каневского за «помощь», которую он вам оказывал, — сказал я, чтобы нарушить молчание.

Между бандитами завязалась перебранка.

— Да знай я, кому ты перепродаешь оружие, я бы собственными руками тебе глотку перервал, — вскипел Каневский. Курбаш проклятый, дезертир, байский прихвостень...

Видя, во что выливается очная ставка, я поспешил прервать ее.

— Вот видите, Каневский, — сказал я, оставшись с ним наедине, — какими «дружками» вы обзавелись. Это уже не просто уголовники; действия таких, как Гарбузенко, можно расценить только как государственные преступления.

ПРОВАЛ МОСКОВСКОГО РЕЗИДЕНТА

ОДНАЖДЫ вблизи местечка Н., расположенного около советско-иранской границы, пограничный патруль остановил автомобиль марки «Мерседес». Несмотря на протесты шофера и безупречные документы на машину, ее задержали. Зачем понадобилось посылать машину из далекого Самарканда в этот пограничный городок? Для обкатки? Но спидометр показывал, что машина уже прошла 20 тысяч километров и, стало быть, в обкатке не нуждается. Проверка моторов после ремонта? Но все части и узлы машины были в исправности.

И главное, зачем шофер избрал именно этот пограничный маршрут?

Вообще этих «почему» и «зачем» оказалось вполне достаточно, чтобы начать следствие об автомобиле № У-3521, тем более, что наша оперативная группа уже давно разыскивала эту машину. И вот почему. Нам было известно, что преступники из банды Каневского располагали автомашиной марки «Мерседес». Сильный шестицилиндровый автомобиль, хотя порядком и потрепанный, можно было нередко в один и тот же день видеть и в Самарканде, и в Уркуте, и в других населенных пунктах. Хозяева «Мерседеса» не жалели горючего на разъезды. Иногда машина появлялась и в городах соседних республик, но каждый раз уже под другим номером и по-иному окрашенная.

Прежде всего предстояло выяснить, кому же принадлежит «Мерседес», так как человек, на чье имя была оформлена машина, услышал о ней впервые от нас. Документы были подложные. Кое-что ценное о машине № У-3521 мог сообщить только водитель. Но он успел к этому времени скрыться.

Машину перегнали из пограничного городка в Самарканд, и она поступила в распоряжение нашей оперативной группы.

Во время перегона «Мерседес» потерял свою первоначальную окраску и приобрел какой-то буро-грязный цвет. Автомобиль следовало покрасить и заодно проверить мотор, который работал с перебоями.

— Это быстро можно сделать здесь же, в гараже милиции, — предложил Каневский.

В этом казалось бы самом невинном предложении скрывалась очередная Мишкина хитрость, попытка запутать нас.

— А мне кажется,— предложил мой помощник Сергей Михайлович Григоров, — машину следует осмотреть там, где она обычно ремонтировалась. Ведь была же у вас какая-то постоянная база? — в упор спросил он Каневского.

— Кажется, где-то в Уркуте была, — ответил он.

Уркута — это небольшой населенный пункт вблизи Самарканда. Взяв с собой Каневского, который с большой неохотой отправлялся в путь, поехали туда. Замысел Григорова был понятен: попутно с осмотром ма-

шины попытаться собрать сведения о ней, ее прежних хозяевах и т. д.

Долго мы петляли по кривым уркутским переулкам, пока Каневский не показал на одну невзрачную лачугу.

— Надо спросить. Где-то здесь недалеко...

Вышедший на шум подъехавшей машины пожилой узбек с явным недоумением оглядел нас.

— Вам, наверное, к Фатыху Мусейнову нужно. Он у нас занимается этими «лошадками», — сказал старик, указывая на наш «Мерседес». — Так что вам надо ехать по нашей улице вон в ту сторону. Там в конце вы и найдете Фатыха...

Фатых Мусейнов оказался рослым, богатырского сложения человеком. Он чинил кастрюли, ведра и прочую домашнюю утварь, но судя по сваленным в углу его дворика старым покрышкам и смятым капотам хозяин дома имел также какое-то отношение к ремонту автомашин. Впрочем, это тут же выяснилось.

— Где тот неверный, который испакостил эту красавицу? — на весь двор вопрошал он, указывая пальцем на наш «Мерседес». Затем сокрушенным голосом добавил:

— Какую голубку я ведь выпустил тогда со двора! Ее цвет был нежнее цвета неба, а теперь... Вы только посмотрите, — обратился кузнец к Каневскому. — Как вы позволили цвету дикой пустыни затмить голубую лазурь неба?

Как мы уже и говорили, машина меняла время от времени не только номера, но и свою окраску.

В беседе с Фатыхом выяснилась и другая, еще более важная подробность.

— А как поживает господин, что одарил вас этой красивой машиной? — снова обратился он к Мишке. — Приятнейший человек, из самой Москвы. Со мной за одним столиком сидел, плов кушал...

Фатых Мусейнов даже не подозревал, с каким вниманием мы ловим каждое его слово и какие мучения он доставляет своим разговором Каневскому.

Благодаря Фатыху Мусейнову, невольно разоблачившему Мишку, явилась возможность дополнить дело о машине № У-3521 новыми ценными данными.

Итак, кто подарил Мишке этот пятиместный автомобиль? Каневскому не оставалось ничего другого, как

назвать его — Иван Степанович Сукнов. (Бандит, вероятно, не забыл, что лишнее признание — это лишнее обстоятельство для смягчения меры наказания.) Точного адреса Сукнова Мишка, однако, «не помнил».

— Был раз у него на даче под Москвой, где-то по Савеловской дороге, но название станции запамятовал, — сказал он.

Дальше он сообщил приметы Сукнова. Возраст 40—42 года. Рост — Мишка ему по плечо; полный, солидный; всегда хорошо одет, непьющий. Работает в Москве директором магазина. Имеет собственную дачу по Савеловской дороге и комнату в Москве. Впервые Мишка познакомился с ним в тюрьме, где Сукнов отбывал наказание за растрату.

Далее путем наводящих вопросов удалось выяснить, что Сукнов являлся чем-то вроде поверенного мишкиной банды в Москве, ее столичным резидентом.

За более подробными сведениями Каневский отослал нас к Гусевой, которая осуществляла связь с Сукновым. Полина Петровна, допрошенная мною в тюрьме, оказалась на этот раз, в отличие от прошлых наших встреч, на редкость словоохотливой. Это вызвало у меня подозрение, что тут скрывается нечто более серьезное.

Она подтвердила, даже с некоторыми совсем ненужными для дела подробностями, все сведения о Сукнове, полученные мною от Каневского. Больше того, Гусева без запинки продиктовала адрес московского резидента банды.

Она же сообщила, что Сукнов в прошлом году побывал в Самарканде и передал здесь Каневскому «Мерседес», приобретенный им по поручению и на деньги атамана банды в Москве. Вскоре Сукнов уехал обратно, и связь с ним осуществлялась через проводника вагона Самарканд — Москва некоего Николая Сизова. Очевидно, Сизов был таким же соучастником банды, как и Гусева.

План поимки московского резидента сложился быстро. Немедленно связаться через Каневского с Сизовым. Отправить ему для Сукнова в целях успокоения очередную партию каракулевых шкурок, какие уже посылались не раз. Одновременно передать Сукнову от имени Мишки приглашение посетить «по очень выгод-

ному делу» Самарканд и продублировать приглашение по телеграфу.

Финал этой истории рисовался нам в самом радужном свете. Вот московский поезд подходит к самаркандскому вокзалу. У входа на «Мерседесе» его поджидает Каневский. Выходит Сукнов. Дружеские взаимные рукопожатия. Машина мчит обоих приятелей на окраину Самарканда в военный городок, к мишкиной квартире, где московского гостя уже ждут... оперативные работники уголовного розыска.

Но план начал рушиться с самого же начала. Выяснилось, что проводник вот уже больше месяца как уволился с железной дороги по семейным обстоятельствам. Где он сейчас работает и проживает, — узнать не удалось.

Оставалась надежда на телеграф. Но раньше чем Сукнов ответил на пригласительную телеграмму Каневского, из Центророзыска пришел ответ на посланный туда мною запрос о Сукнове: «По указанным адресам Сукнов не проживал и не проживает, в таком-то магазине никакой Сукнов никогда не работал».

Стало быть, все это «липа», очередной плод досужих выдумок Каневского и Гусевой! Но при повторном допросе оба так клятвенно уверяли меня в достоверности сообщенных ими сведений, что невольно подумалось: а не вымышленную ли фамилию носил Сукнов? Бандиты сообщили, что у него была кличка «Директор». Но это мало что давало.

Наше недоумение еще более возросло, когда Каневский получил через день телеграмму... от самого Сукнова. Тот сообщал, что выезжает в Самарканд одиннадцатого, поездом 82, вагон 5. Мишка торжествовал:

— А вы говорили, адрес липовый...

Кажется, наш план задержания Сукнова-Директора был не так уж плох. Ведь «клюнул» же преступник на такую нехитрую приманку, как телеграмма.

Но в назначенный день и час Сукнов не приехал, и Каневский напрасно прождал его на привокзальной площади. Не прибыл он и на второй и на третий день, и вообще уже больше никогда не появлялся в Самарканде.

Поисками его занялась московская милиция, которой в конце концов удалось напасть на след преступ-

ника и задержать его. Был он пойман на каком-то крупном мошенничестве в другом городе. Выяснилось, что, долго не встречаясь с Сизовым, а также не получая вестей от Каневского и Гусевой, Сукнов решил замести следы. Узнав о полученной на его имя телеграмме, переданной ему соседом, Сукнов дал по телеграфу ложное согласие на приезд, но сам решил на время скрыться. На суде ему вспомнили и участие в банде Каневского.

„КОРНИ" И „ОТРОСТКИ"

ИТАК, приближался конец банды Мишки Каневского, заслужившей проклятье и ненависть населения. Правда, удалось изловить далеко не всех преступников, когда-либо сотрудничавших с Каневским. Да и сделать это было очень трудно. Ведь никто никогда списка участников банды не составлял. Сам главарь ее и то не мог бы точно назвать количество людей, имевших прямое отношение к его шайке. Каневский наперечет знал лишь своих ближайших сообщников, но не больше.

Тем не менее разгром Мишкиной банды, предстоящий суд над атаманом и другими главными участниками повлиял на уголовное подполье. Часть преступников, боясь рано или поздно попасть на скамью подсудимых, отказалась от участия в банде.

Но оказались и такие, которые продолжали заниматься своим черным ремеслом. Они только переменили «хозяина»: раньше они работали на Мишку Каневского, а теперь нашли других атаманов.

Так из обвинительного заключения по делу одной уголовной шайки, оперировавшей в районе Ташкента, мы узнали имена некоторых сподвижников Каневского, которым удалось в свое время скрыться от советского правосудия. Хотя основные бандитские «корни» и были вырваны, но отдельные «отростки» их еще остались, и они-то пустили свои зловредные «побеги».

Читая материалы предварительного следствия, нельзя было не обратить внимания на то, как изме-

нился характер деятельности бандитов. Если раньше целью бандитских нападений были деньги, то теперь преступники главный удар наносили по сельскому хозяйству. Они угоняли и уничтожали в колхозах и у единоличников рабочий и молочный скот. А всем известно, что значит лишить хозяйство лошади, рабочего быка или верблюда! Бандиты начали действовать так именно в период коллективизации, и политическая подоплека их преступлений была совершенно ясна.

...Началось все с одного случая в пригородном хозяйстве вблизи Ташкента. Однажды ночью здесь появились трое вооруженных людей. Они потребовали, чтобы сторож проводил их на скотный двор. Забрав двух рабочих быков, единственных в хозяйстве, грабители удалились.

Сначала этот случай не обратил на себя особого внимания. «Кража как кража», — рассудили хозяйственники, подписывая милицейский протокол об угоне скота.

Но спустя некоторое время на том же Чимкентском тракте, в одном из селений нашли убитым во дворе своего дома дехканина Туляганова. Все вещи в доме до единой остались целы, но зато два рабочих верблюда, принадлежавших хозяину, исчезли.

В связи с этим в Ташкент прибыла группа следователей из Самарканда. Незадолго до ее прибытия в том же селении был совершен ряд новых нападений с угоном скота. Лошадей, быков, верблюдов угоняли прямо среди бела дня. Население заволновалось. Для охраны стада по совету райкома партии отрядили лучших кишлачных охотников, была усилена ночная охрана.

И вот однажды в кишлак нагрянули бандиты. Они направились к колхозному скотному двору. Дежурные подняли тревогу. Преступники, отстреливаясь, были вынуждены уйти.

Вскоре колхозный сторож Дода Мухамедов, хорошо знавший жителей не только своего, но и окрестных кишлаков, задержал ночью недалеко от конюшни некоего Ханкельдаева. Старику, да и многим односельчанам было известно, что Ханкельдаев раньше сидел в тюрьме, а сейчас нигде не работает и ведет довольно подозрительный образ жизни.

Но не поэтому колхозный сторож задержал Ханкельдаева. В ночь убийства Туляганова Мухамедов видел его пробиравшимся вдоль арыка в поле. Уже тогда у Мухамедова мелькнула догадка: «Не Ханкельдаев ли убийца?» Сейчас, встретив его ночью, старик подумал, что Ханкельдаев ходит здесь неспроста.

Крикнув подмогу, Мухамедов задержал Ханкельдаева и доставил его в отделение милиции. Там колхозный сторож сообщил кстати и о своем подозрении.

Велико же было возмущение дехкан, когда через четверть часа Ханкельдаева отпустили из милиции.

— Только людям спать не даете, да всякую клевету разносите, — упрекнул дехкан сотрудник милиции Вали Мухамеджанов. — А ты у меня смотри, — погрозил он в сторону Доды Мухамедова.

Уже тогда в головы крестьян закралось подозрение, а не проникли ли преступники в местный орган милиции. И они оказались, как мы увидим дальше, правы.

Через два дня в дом к Дода Мухамедову зашел Шаполат Юнусов, дальний знакомый колхозного сторожа. О Юнусове ходили слухи, что он крадет скот, перекупает мясо, словом, человек, нечистый на руку. Но что достоверно знал о нем сторож, так это то, что Юнусов два или три раза сидел в тюрьме, бежал оттуда и что его до сих пор разыскивает милиция.

— Я к тебе, дядя Дода. Не посмотришь ли ты за моей скотиной, я ее в твоем дворе оставил. Я скоро вернусь, — обратился он к старику.

«Скотина» оказалась породистым, необъезженным жеребцом, явно не местного происхождения. Дода Мухамедов понимал толк в лошадях! Такая порода коней выводилась лишь на конезаводах соседней Туркмении.

— Ну что же, иди по своим делам, а за конем я посмотрю, — согласился Дода.

Старик, почуяв что-то неладное, собрался уже пойти в сельсовет и рассказать там о случившемся, чтобы задержать Юнусова. Но не успел он выйти со двора, как в воротах повстречался с участковым милиционером Алимбаем Мусаевым. Обычно приветливый

со стариком, сейчас Мусаев держался подчеркнуто официально. Кое-как ответив на приветствие Мухамедова, милиционер грубо приказал:

— Бери коня и пойдем к начальнику.

Соседи, увидев это, собрались около его дома. Их удивлению не было границ, когда со двора в сопровождении милиционера вышел колхозный сторож, ведя на поводу еще не виданного в этих краях чистокровного скакуна. Но узнав в чем дело, часть односельчан направилась на поиски Юнусова, а другие пошли вместе с Мухамедовым в милицию.

Там старика уже ожидал сам Мухамеджанов.

— Вот на других клевету возводишь, — наставительно произнес он, имея, очевидно, в виду недавний случай с Ханкельдаевым, — а сам что вытворяешь? Говори, где коня украл?

Напрасно старик аллахом клялся, что лошадь во двор к нему привел Шаполат Юнусов, напрасно соседи утверждали, что вот уже много лет старик никуда не отлучался из кишлака и скорее свое отдаст, чем чужую копейку возьмет. Мухамеджанов был неумолим:

— Что же по-вашему, лошадь во двор Мухамедова с неба упала? Старый мошенник, он знает как отговориться. Но это дело не выйдет!

По распоряжению Мухамеджанова старый Дода был тут же арестован.

Но тут старику, казалось, явилось само избавление в лице Шаполата Юнусова, задержанного в кишлаке. Ведь Юнусову достаточно было сказать, что лошадь его, и сторожа бы немедленно освободили. Но Юнусов этого не сказал. Нет, он, оказывается, и в глаза не видел этого дивного коня, а что касается Мухамедова, то он у него не был. Зачем при задержании он хотел выбросить в арык револьвер? Да, револьвер он нашел на дороге и, чтобы не было лишних разговоров, решил выбросить его.

Слушая Юнусова, инспектор милиции улыбался, а глаза его как бы говорили: «Ну, зачем придираться к человеку; конь не его, у Доды он не был; что касается револьвера, так мы его отберем». И через полчаса Юнусов был отпущен.

Но слишком уж груб был разыгранный Мухамеджановым фарс. Дехкане поняли, что их обманывают. Да

и сам работник милиции понял, что переусердствовал. На третий день старика освободили под поручительство сельского актива.

Между тем скот продолжали угонять. Количество таких случаев уже приближалось к четырем десяткам. Положением на Чимкентском тракте заинтересовались республиканские и областные работники судебно-следственных органов.

Как это часто бывает, раскрыть преступление помогла мелочь. Как-то раз Вали Мухамеджанов появился в кишлаке на велосипеде. Ездил он неумело, часто падал вместе с машиной в кювет, но с велосипедом не расставался, решив во что бы то ни стало освоить его.

— Откуда у тебя эта машина? — как-то поинтересовались в кишлаке.

— Случайно купил с рук на базаре, — ответил Мухамеджанов.

Но приобретя велосипед у «случайного лица», Мухамеджанов то ли забыл, то ли просто не догадался сменить номерной знак на машине.

По этому знаку следственные работники (а следствие уже началось) определили, что велосипед ранее принадлежал некоему Мухамеду Искандерову, а на самом деле скрывавшемуся под этой фамилией сыну крупного бая Раджибаеву Абдул Касыму.

Отец его недавно умер, сын пока являлся «лицом без определенных занятий», хотя и жил, по свидетельству соседей, на широкую ногу. Во всяком случае, никакой необходимости в продаже велосипеда у него не было.

Попутно выяснилась еще одна важная подробность. На квартире у Раджибаева-Искандерова частенько бывал Вали Мухамеджанов, причем встречи оканчивались, как правило, попойками.

Окольными путями удалось также узнать, что на городском ипподроме для сынка бывшего бая специально объезжали ту самую лошадь, которую привел во двор к Доде Мухамедову Шаполат Юнусов.

Так следователь, оттолкнувшись от мелочи — обыкновенного велосипедного номерного знака, — напал на «узелок», развязав который, он напал на следы крупных преступлений. Следователь установил, что глава-

рем банды, действовавшей в окрестностях Ташкента, являлся не кто иной, как Абдул Раджибаев. Это он, байский выкормыш, решил нанести удар по самому чувствительному месту молодых колхозов — по скотоводству с тем, чтобы подорвать материальную основу артельного хозяйства.

Правой рукой главаря шайки являлся вор-рецидивист Мухамеджанов, которому удалось пролезть в милицию.

Попутно выяснилась история с появлением велосипеда и коня. Оказалось, что главарь шайки и его помощник обменялись подарками. Конь был выкраден по заданию Мухамеджанова участником банды Юнусовым из одного туркменского государственного питомника. По его же заданию бандит привел лошадь во двор к колхозному сторожу Доде Мухамедову, чтобы накрыть последнего «с поличным» и таким образом избавиться от беспокойного старика, напавшего на след убийц дехканина Туляганова. Но, боясь вмешательства сельского актива, Мухамеджанов был вынужден отпустить из-под стражи колхозного сторожа.

Вскоре перед следователем предстали Ханкельдаев и Юнусов, задержанные дехканами. Первый из них подтвердил свое соучастие в убийстве Туляганова, а второй — провокацию, затеянную против Мухамедова.

Всего по делу бандитской группы Раджибаева было арестовано 36 человек. Кто же они? Кроме упомянутых выше Раджибаева, Мухамеджанова, Ханкельдаева и Юнусова — грабители, бежавшие из исправительно-трудовых лагерей, воры-рецидивисты, входившие в свое время в банду Каневского: неоднократно судившийся за кражу Садыков Исраил, владелец чайханы Ходжаев Рахим, баи, спекулянты иностранной валютой и т. п. Это было основное ядро банды. Их обслуживала целая группа людей, состоявшая из укрывателей, скупщиков краденого, махровых спекулянтов и других подобных им лиц.

Деятельность банды долгое время оставалась нераскрытой из-за бандитского лазутчика Мухамеджанова, проникшего в органы милиции.

Суд воздал должное всем участникам бандитской шайки. Из этого процесса сделали вывод и мы, следо-

ватели, — вывод, который можно сформулировать так: когда вырываешь преступные «корни», не забывай об «отростках», которые, как я уже говорил, дают дурные, зловредные «побеги».

НЕЗАМЕНИМЫЕ ПОМОЩНИКИ

С ЦЕЛЬЮ добиться существенных результатов в борьбе с преступностью нужно было поднять народные массы против уголовного мира. Для этого нам следовало — пусть читатель простит меня за штампованное выражение — обрасти активом. Активом из числа рядовых советских людей, от острых глаз которых не может укрыться ни одно правонарушение.

И мы начали постепенно сколачивать такой актив. На предыдущих страницах я назвал фамилии людей, оказавших нам большую помощь: Иван Александрович Пажитнов, Николай Шипкалов. Их работа граничила с подлинным героизмом — ведь при выполнении наших заданий они рисковали жизнью. А на такой риск может пойти не каждый.

Вспоминается мне другой советский патриот, старик-таджик родом из-под Байрам-Али, доставивший в милицию местного разбойника по кличке Мишка Граф. Этот бандит, проникнув в лавку сельского кооператива, пытался совершить там крупную кражу, но был схвачен стариком и подоспевшими к нему на помощь односельчанами. Старик был вне себя от гнева:

— Разве это человек? Это зверь, степной шакал в облике человека. Что ему до того, что товары, которые он хотел украсть, принадлежат народу! Он не хочет трудиться, как трудятся все люди. Мы только недавно избавились от поборов, которые с нас взимали такие же вот как он шакалы. За что мы только не платили: «зарьят» — это полагалось с нас брать по корану, «хараджж» — означало поземельный налог в натуре, «аляф-пучи» — так называли налог с сада, «суцула» — плата за воду, «миробана» — подай деньги на жалование водному старосте, да всего и не перечесть. Совет-

ская власть отменила все эти налоги, а этот ублюдок решил ввести еще свой разбойничий налог!

Разными путями приходили к нам люди. Вот, например, Константин Моняков, с которым мы встретились при довольно-таки тяжелых для него жизненных обстоятельствах. Однажды на базаре в Старом городе, где мы проводили облаву, ко мне подошел молодой человек в поношенной одежде и четко, по-военному откозырнув, представился:

— Бывший красноармеец вашего полка Константин Моняков. Сейчас — безработный.

Я хорошо помнил его, своего полкового каптенармуса, как он тогда назывался, или по-теперешнему — начальника вещевого снабжения, часто заходившего ко мне по делам службы. Вопреки сложившемуся еще в царской армии убеждению, что каждый каптенармус — это самый первый вор, Моняков нес службу честно и добросовестно, за что я мог смело ручаться.

Поэтому я с трудом поверил, когда спустя некоторое время (я служил уже в другой части) узнал, что Монякова сняли за хищение с должности каптенармуса и отдали под суд. После этого я о нем больше не слышал.

И вот мы снова встретились.

Внимательно выслушав его повествование, я помог ему устроиться на работу, и вскоре он стал одним из деятельных помощников милиции из числа добровольцев. Мы не только поверили Монякову, но и помогли ему вернуть веру в себя, в свои силы. И он наше доверие полностью оправдал.

Помнится, он поздно ночью доставил с помощью постового в отделение милиции двух молодых людей. Эти молодые люди познакомились в театре с двумя хорошо одетыми женщинами и после спектакля пригласили дам «на полчасика» в ресторан. Там они заказали хорошее угощение и дорогие коллекционные вина. Это сразу же убедило их спутниц, что они находятся в обществе состоятельных молодых людей. За ужином дамы забыли, что номерки с вешалки, где они оставили свои дорогие меховые манто, находятся в кармане у их новых знакомых.

Перед окончанием ужина из-за стола «на минутку» отлучился сначала один из них, затем через некоторое

время на «поиски» его отправился другой. Так и остались бы дамы без своих пальто, если бы воров не задержал Моняков, наблюдавший всю эту сцену.

Потом мы стали поручать Монякову более серьезные дела, и он с ними успешно справлялся.

Можно назвать имена других людей, оказывавших самую деятельную помощь в разоблачении и задержании уголовных преступников. Но пока все это были отдельные энтузиасты нашего общего дела, помощники-одиночки. Интересы дела настоятельно требовали, чтобы помощь милиции приняла массовый характер, чтобы в нее включилось возможно большее количество добровольцев.

Уже в те годы начало получать широкое распространение слово «рейд». Начали проводиться рейды рабочей и сельской общественности, рабочих и сельских корреспондентов по проверке реализации заданий партийных и государственных органов в городе и деревне, в учреждениях и институтах.

Подобные рейды по борьбе с преступностью руководящие партийные органы республики предложили систематически проводить и нам, работникам судебно-следственного аппарата, с широким привлечением трудящихся.

Я помню один из первых таких рейдов, в котором приняли участие несколько десятков комсомольцев. Объектом рейда был Старый базар в Самарканде, куда как магнитом притягивало преступников всех воровских профессий, начиная от карманных воров и кончая конокрадами. Участники рейда, а по сути дела те самые люди, которых мы сейчас гордо величаем народными дружинниками, за один только день задержали на рынке около ста подозрительных личностей, предупредили много крупных и мелких краж.

Подобные рейды потом вошли в систему. В процессе их проведения рождались и совершенствовались приемы борьбы с явными и тайными преступными элементами, оттачивалась бдительность общественников. Они помогли нам выловить нескольких крупных и опасных преступников.

Вспоминается такой случай. Среди ближайших сподвижников Мишки Каневского значился некий Риза Искандеров, по кличке Курбан-Мамед. Поскольку за

последнее время он никаких явных преступных действий не совершал, милиция его пока не трогала, но вела неослабное наблюдение за квартирой Искандерова. В этом же доме проживал Василий Степанович Логунов, диспетчер с завода «Кинап», участник многих рейдов и облав на воровские притоны. Логунов также следил за своим подозрительным соседом, который, по словам его родичей, был разбит параличом и лежал в постели. Тем не менее он часто, преимущественно по ночам, принимал каких-то неизвестных. Однажды Логунов явился к нам с удивительным сообщением: сегодня днем «парализованный» Искандеров приобрел билет на поезд в далекий пограничный город. В прошлом (а может быть, и в настоящем) матерый грабитель и сподвижник главаря шайки, очевидно, отправлялся в далекий вояж неспроста.

В одном поезде с ним отправился в путь мой помощник Николай Петрович Бакулин. Бакулин видел, как Риза Искандеров, приехав в город, вышел из здания вокзала и скрылся в темноте на одной из привокзальных улочек. Надо было во что бы то ни стало установить местонахождение Курбан-Мамеда, выявить его местные связи. Ведь недалеко граница, и бандит ночью может попытаться перейти ее!

Бакулин быстро связался с местными органами власти, с райкомом комсомола. Несмотря на поздний час, собрали комсомольцев, которые вместе с милицией оцепили привокзальный район и перекрыли все дороги из города. Но Риза Искандеров не появлялся. Только рано утром комсомольцы обратили внимание, что брезент, которым был укрыт хлопок у конторы Хлопкосбыта, как-то странно колышется, хотя ветра не было. Ребята приподняли брезент — под ним оказался Курбан-Мамед.

Не знаю, стало ли потом известно комсомольцам, какого опасного и коварного врага в лице Ризы Искандерова они извлекли тогда из-под брезента?! Он прибыл в город для того, чтобы встретиться здесь с басмачами и договориться с ними об ограблении банка в г. Керки, а затем — о совместном переходе с ними государственной границы. Советская земля начинала гореть под ногами этого отъявленного бандита.

Перелистывая судебные дела тех дней, вспоминая события того времени, я не могу назвать ни одного более или менее крупного преступления, в раскрытии которого не помогало бы нам население.

Что заставляло рядовых советских граждан идти на риск и, несмотря на опасность, разоблачать бандитов, воров и мошенников? Желание прославиться? Надежда на материальное вознаграждение? Ни то и ни другое. На борьбу с преступностью и преступниками людей настоятельно звала сама жизнь. Ведь против кого были направлены действия бандитов? Против народа, общественного и личного достояния трудящихся. Преступник поднимал руку на простого трудового человека, который после стольких веков бесправия и унижения, голода и нищеты благодаря Советской власти вышел на дорогу светлой, счастливой жизни.

Вот почему на призыв местных партийных и комсомольских организаций — всем подняться на разоблачение преступных элементов — откликнулись тысячи трудящихся.

Я вспоминаю одно очень бурное собрание на самаркандской текстильной фабрике. Рабочие очень резко и совершенно правильно критиковали нас, присутствовавших на собрании милицейских работников, за то, что в городе свободно разгуливают преступные элементы, с возмущением говорили о том, что население боится с наступлением темноты появляться на улицах.

После собрания было объявлено, что сегодня состоится массовая облава в привокзальном районе, в которой приглашаются принять участие все желающие. Много добровольцев из числа рабочих вызвалось помогать милиции. Этот массовый рейд по выявлению жуликов и всякого рода подозрительных личностей прошел с успехом.

Конечно, помощь, какую тогда оказывали милиции добровольцы из числа населения, трудно сравнивать с современным массовым движением по охране общественного порядка, принявшего подлинно всенародный характер. В те далекие годы это движение только зарождалось, давало лишь первые ростки. Но и на том этапе помощь народа приносила свои неоценимые плоды.

* * *

Около девяти лет орудовала банда Каневского на территории среднеазиатских республик. Много тягчайших преступлений совершили отпетые бандиты в Средней Азии, они причинили много горя и страданий народу. Но, несмотря на все ухищрения, бандиты не ушли от справедливого возмездия, от сурового наказания. Их судила выездная сессия Верховного Суда. Перед выездной сессией предстали 85 матерых преступников. Нет необходимости сейчас подробно рассказывать о ходе процесса, который длился несколько дней. Скажу только, что перед судом прошли сотни свидетелей — рабочих, крестьян, служащих. Надо было видеть суровые лица этих людей, слышать их гневные голоса, чтобы почувствовать, как велико было возмущение простого советского человека теми, кто старался уйти от общественно полезного труда и за счет трудящихся грабежом и насилием пытался создать себе легкую жизнь.

Советский суд со всей строгостью покарал бандитов, приговорив их к длительным срокам заключения, а шестерых наиболее отъявленных преступников — к расстрелу.

«Какова же судьба бывшего главаря преступной шайки? Куда девался Каневский?» — возможно, поинтересуется читатель.

Увы, преступник кончил плохо. Приняв накануне суда слишком большую дозу наркотика, он тем самым подписал себе смертный приговор. Спасти его не удалось...

...Мы приехали в Среднюю Азию в пору зимней слякоти, холодных, пронизывающих ветров, моросящих, надоедливых дождей. За работой, которая отнимала почти все наше время и требовала исключительного напряжения, мы и не заметили, как прошла короткая восточная весна и наступило лето. Хотя календарь показывал только начало апреля, но в тот год солнце пригревало так, как у нас на севере в июле или августе. Пышно расцвела зелень в садах, появились свежие овощи и фрукты.

Наша командировка приближалась к концу. Сто дней наша московская оперативная группа провела у своих среднеазиатских коллег, оказывая им помощь

в разоблачении и изоляции основных участников банды Каневского, занимавшей довольно заметное место в «уголовном балансе» Средней Азии.

Приятно было сознавать, что свою долю участия в ликвидации бандитизма вложили и мы, судебно-следственные работники Российской Федерации. В те дни республиканская газета «Узбекистанская правда» писала: «Только благодаря помощи Наркомвнудела РСФСР, пославшего в Среднюю Азию свою оперативную группу, нам удалось обезглавить и окончательно разгромить считавшуюся «неуловимой» банду преступника Каневского».

Возможно, что узбекские товарищи несколько переоценили нашу роль в этой операции, но тем не менее с разгромом банды Каневского преступность в городах и кишлаках республики пошла на убыль. А вскоре с бандитизмом вообще было покончено.

Недавно мне вновь довелось побывать в Средней Азии, посетить города и села, где тридцать лет назад пролегал маршрут нашей поездки.

Красивее и прекраснее стал Самарканд. Вместе с Павлом Владимировичем Парамоновым, тогдашним работником уголовного розыска, а теперь полковником милиции в отставке, мы весь день бродили по городу, не замечая усталости.

Мы вспоминали прошлое, говорили о настоящем, представляли будущее. В те годы Павел Парамонов был неутомимым молодым чекистом, он участвовал почти во всех операциях по розыску бандитов. Однажды, преследуя бандитов, Павел Парамонов неожиданно попал в пещеры между Старым и Новым городом. Здесь в любое время, днем и ночью, покупалось и продавалось краденое, заключались воровские сделки. Бандиты опознали Парамонова, работника уголовного розыска, и он едва не поплатился за это жизнью. Только благодаря случайности ему удалось вырваться из убежища преступников. Немедленно была проведена массовая облава на воровской притон, и многие бандиты схвачены.

— Это было как раз здесь, — сказал мне Парамонов, показывая на большой парк, привольно раскинувшийся на месте засыпанных пещер на стыке между Старым и Новым городом.

Павел Владимирович показал мне корпуса завода «Красный двигатель», производящего запасные части для тракторов, завода «КИНАП», поставщика новейшей киноаппаратуры, фруктоконсервного завода «Серп и Молот», шелкомотальной и шелкоткацкой фабрики, выпускающей шелковую пряжу, чесучу, плюш, бархат. Показал он и многие другие предприятия, возникшие в Самарканде за прошедшие годы. Мы любовались красивыми зданиями Государственного университета. И мне невольно подумалось: а ведь в стенах этих зданий, наверное, трудятся и учатся сыновья и дочери тех, кто в те далекие годы боролся с бандитами и правонарушителями.

Много времени — свыше трех десятилетий — минуло с момента описываемых выше событий. За этот исторический период наша страна, только что начавшая тогда великие социалистические преобразования, сейчас вступила в полосу развернутого коммунистического строительства. Давно вырваны в Средней Азии, как и во всем нашем государстве, все и всякие корни массовой преступности и бандитизма, посеянные в давние годы царизмом. Но у нас не перевелись еще отдельные паразитирующие, преступные элементы, мешающие нашему движению вперед. Вот почему продолжают зорко нести свою вахту советские органы охраны общественного порядка, опирающиеся во всей своей работе на широкие массы трудящихся. И в выполнении этой большой и ответственной задачи представляет свою ценность большой опыт борьбы с преступностью, накопленный советскими судебно-следственными органами.

8 коп.

